

9 НЕДЕЛЬ #1

В СПИСКЕ БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

ПОРАЗИТЕЛЬНО ОРИГИНАЛЬНЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН –
НОВОЕ СЛОВО ПОСЛЕ «ГОЛОДНЫХ ИГР» С. КОЛЛИНЗ. VOYA

МАРИ ЛУ
ЛЕГЕНДА

Легенда

Мэри Лю
Легенда

«Центрполиграф»

2011

Лю М.

Легенда / М. Лю — «Центрполиграф», 2011 — (Легенда)

На Земле 2130 год. Существующий мир, подвергшийся катастрофическим изменениям, словно вывернут наизнанку, в нем больше нет ориентиров и правил. Дэй, парень из карантинной зоны, объявлен опасным преступником, хотя все его преступления состоят в том, что он стремится спасти от опасной болезни мать и братьев. Джун, дочь влиятельного и привилегированного члена нового правительства, а кроме того, обладательница едва ли не самого мощного в стране интеллекта и уникальных физических возможностей, вовлечена в ловко спланированную авантюру. Считая Дэна убийцей брата, она поклялась поймать неуловимого преступника и исполнила обещание, но почему-то так и не смогла его возненавидеть. А когда ей открылась много лет надежно охраняемая тайна, задумалась, чью должна принять сторону.

© Лю М., 2011

© Центрполиграф, 2011

Содержание

Часть первая	5
Дэй	5
Джун	10
Дэй	13
Джун	19
Дэй	25
Джун	29
Дэй	32
Джун	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мари Лу Легенда

*Лос-Анджелес, Калифорния,
Американская республика
2130 год от Рождества Христова*

Часть первая Парень, который идет при свете

Дэй

Моя мама считает, что я погиб.

Конечно же это не так, но я никогда не смогу рассказать ей об этом.

По меньшей мере дважды в месяц я вижу свое лицо на огромных экранах, разбросанных по центральному Лос-Анджелесу. И смотрится оно там абсолютно неуместно. Обычно Конгресс разрешает показывать на экранах лишь благостные картинки: улыбающихся под искусственно-голубым небом детей, туристов на фоне затопленных руин Золотых Ворот¹, антиколониальную пропаганду и неоновую-яркие рекламы компаний.

И вот появляюсь я. Во всей своей красе.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ФБР

Федеральный номер: 462178-3233

ДЭЙ

Анархист. Обвиняется в нападении, краже и порче
государственного имущества.

200 тысяч республиканских долларов
за информацию о преступнике.

Моя фотография в этих репортажах всегда разная. То это парень с кожей карамельного цвета, моноклем и густой копной медных кудряшек. То бледнокожий, черноглазый и лысый, лишь с легким пушком на подбородке. Меня изображают черным, белым, желтым или красным, светлокожим или смуглым – на что хватит фантазии.

И это одна из причин, по которой Конгресс так сильно меня ненавидит. Я вынуждаю их постоянно менять мое фото в репортажах. И становится ясно, что на самом деле им неизвестно, как я выгляжу. Они знают лишь то, что я молод. Я отнюдь не самый опасный преступник в стране. Однако разыскивают меня с особым пристрастием.

Я ставлю Конгресс в неловкое положение.

Ранний вечер, но на улице уже крошечная тьма, и я вижу, как в лужах отражаются блики огромных экранов. Я сижу на крошащемся краю окна третьего этажа, скрытый от взглядов за ржавыми стальными балками и ветхими лачугами. Это здание скоро снесут. Пол повсюду усеян стеклянными осколками разбитых ламп. Мои волосы, как обычно, спрятаны под старой кепкой. Глаза внимательно следят за маленьким домиком внизу, на той стороне дороги. Пальцы тербят кулон на шее.

---

¹ Золотые Ворота – мост над проливом, соединяющим залив Сан-Франциско с Тихим океаном. (Здесь и далее примеч. пер.)

Тесс, моя единственная подруга, смотрит на меня, высунувшись из другого окна комнаты. Она всегда чувствует мое настроение.

Сегодня вечером мне тревожно. Наш сектор Лейк поразила чума. Даже в темноте мы с Тесс видим солдат в конце улицы. Они проверяют каждый дом, их черные блестящие плащи развеваются на жарком ветру. Лица скрыты противогазами. Порой, выйдя из дома, солдаты чертят на двери большой ярко-красный крест. Он означает, что в дом входить запрещено. За нарушение этого правила вас тут же пристрелят.

– По-прежнему не видно? – шепчет Тесс. Тени скрывают ее лицо.

Я пытаюсь отвлечься и мастерю импровизированную рогатку из старых хлорвиниловых трубок.

– Они не обедали. Не сажались за стол в течение нескольких часов. – Выпрямляю больное колено.

– Уверен, что твоя мать дома?

Бросаю на Тесс раздраженный взгляд. Она хочет успокоить, но я не в том настроении.

– Лампа горит. И посмотри на свечи. Мама не станет тратить их, если дома никого нет.

Тесс подходит ближе. Я чувствую ее дыхание на своей щеке, когда она шепчет:

– Мы должны на несколько недель оставить штат. Здесь слишком опасно. Скоро чума отступит, и ты сможешь вернуться, чтобы навестить семью. Давай же. У нас предостаточно денег, чтобы купить два билета на поезд.

Я качаю головой. Моя мать и братья не знают, но хотя бы один вечер в неделю я за ними наблюдаю. А когда чума снова наступает, прихожу почти каждый день. Для наблюдения я всегда выбираю другое место. Иногда сижу у паротурбинного энергоблока по соседству с нашим домом, где мой старший брат – девятнадцатилетний Джон – по четырнадцать часов в день работает у печи. Только Джон знает, что я жив. Ему я тайно передаю еду и деньги для матери. И позволяю рассказывать, что их добыча – его заслуга. А иногда я смотрю, как мать предлагает услуги домработницы, стоя на вокзале Юнион-Стейшн². Мой младший брат Иден, которому почти десять, по мере возможности посещает школу. Близко подобраться к ней очень трудно, поэтому я навещаю Идена ночью, когда мама укладывает его спать. Иногда Иден пропускает занятия, чтобы помочь матери.

Из нас троих братьев Иден самый хрупкий. Я все время за него беспокоюсь.

В молчании мы с Тесс смотрим, как солдаты приближаются к моему дому. Они останавливаются у каждой двери, один солдат стучит в нее, а второй стоит рядом, направив в небо дуло автомата. Если спустя десять секунд никто не открывает, дверь выламывают. Солдаты поспешно заходят в дом, и я не вижу, но знаю, что они делают: берут образцы крови у жителей дома и проверяют на чуму с помощью портативного датчика. Весь процесс занимает не менее десяти минут.

Я считаю, сколько домов осталось до моего. Прежде чем узнать судьбу семьи, придется подождать еще около часа.

В конце улицы раздается крик. Мой взгляд тут же приковывает источник звука, рука инстинктивно сжимает нож на поясе. Тесс шумно втягивает воздух.

Это жертва чумы. Должно быть, женщина болела не один месяц, потому что кожа ее растрескалась и повсюду кровоточит. Интересно, как солдаты могли ее не заметить? Некоторое время женщина бесцельно ковыляет по улице, потом делает рывок вперед, но спотыкается и падает на колени. Я перевожу взгляд обратно на солдат. Теперь они ее видят. Солдат с поднятым автоматом выходит на середину улицы, а другие остаются на месте и наблюдают.

---

² Юнион-Стейшн – единственный железнодорожный вокзал в Вашингтоне. Галерея дорогих магазинов.

Одна жертва чумы не такая уж и большая угроза. Солдат вскидывает автомат и прицеливается. Вокруг зараженной женщины пляшут искры.

Она падает на землю и затихает. Солдат возвращается к остальным.

Мне бы хотелось, чтобы у нас были автоматы, как у этих солдат. Такое оружие на рынке стоит недорого, всего четыреста восемьдесят республиканских долларов, меньше, чем кухонная плита. Точность попадания в таком оружии обеспечивается электромагнитами. Оно может поразить цель на расстоянии трех кварталов. При желании мы с Тесс могли бы купить пять таких автоматов. За эти годы мы научились откладывать и прятать часть ворованных денег. Однако купить оружие и не выдать себя – настоящая проблема. На каждом изделии имеются сенсоры, которые сообщают о форме руки владельца, отпечатках пальцев и его местонахождении. Я могу пойти в любой оружейный магазин Лос-Анджелеса, выложить деньги, но продавец тут же отсканирует мои пальцы, и Конгресс вдруг обнаружит, что по городу разгуливает вооруженный и опасный человек, отпечатки которого уже не числятся в записях.

Иным образом меня найти нельзя. Поэтому остается лишь самодельное оружие: рогатки из хлорвиниловых трубок и другие приспособления.

– Они нашли еще больных, – произносит Тесс.

Она шурит глаза, приглядываясь. Я смотрю, как внизу группа солдат покидает очередной дом. Один из них встряхнул баллончик и начертил на двери огромный красный крест. Я знаю этот дом. У живущей в нем семьи Дюпре когда-то была девочка по имени Элиза, моя ровесница. Раньше мы с Джоном играли с ней в салки на льду и в хоккей на траве, используя кочережки и комок бумаги. Элиза проходила Испытание в тот же год, что и я, когда нам исполнилось по десять. Она провалилась, получила отметку о низких баллах, и в тот же день ее забрали, после чего мы больше не виделись.

Я тоже провалил испытание. И беспокоюсь за Идена, потому что его размышления очень похожи на мои. По окончании Испытания, когда экзаменаторы выставляли баллы, я был настолько уверен в своих ответах, что даже не следил за происходящим. Но потом меня отвели в угол Испытательного стадиона к стайке других детей. В мой лист поставили какую-то печать, а меня самого запихнули в поезд, который направлялся в центр города. Я не успел взять из дома ничего, остался только кулон, что носил на шее. Не успел даже попрощаться.

После прохождения Испытания вас ожидает несколько путей.

Вы получили высший балл. Тысячу пятьсот очков. Никто и никогда столько не набирал. Ну, за исключением одного ребенка несколько лет назад, вокруг которого военные тут же устроили большую шумиху. Кто знает, что случается с получившим такой высокий балл? Возможно, его ждут горы денег и власть.

Вы набрали от тысячи четырехсот пятидесяти до тысячи четырехсот девяноста девяти очков. Погладьте себя по головке, потому что вы тут же получаете доступ к трем лучшим университетам Республики:

Стэнфорду (который несколько раз переносили в глубь страны, подальше от приливающей воды), Дрейку (построенному прямо у воды) и Бренану (который частично находится под водой). Вас называют Гением, а потом принимают на работу в Конгресс и платят много денег. С этим приходят радость и счастье. По крайней мере, так нам говорит Республика.

Если вы получаете хорошие баллы, что-то между тысячей двумястами пятьюдесятью и тысячей четырьмястами сорока девятью очками, то имеете право на обучение в старшей школе и последующую учебу в колледже. Неплохо.

Вы наскребли от тысячи до тысячи двухсот пятидесяти очков. Конгресс запрещает вам учиться в старшей школе. Вы присоединяетесь к рабочему классу, подобно моему брату Джону. И тогда вы утонете, работая на водяных турбинах, или сгорите от пара в энергоблоке.

Вы провалились.

Если вы провалились, Республика направляет к вашей семье своих представителей. Они заставляют родителей подписать контракт, который передает право опекуна правительству. Семье говорят, что вас высылают в республиканский трудовой лагерь и видаться вам больше нельзя. Родителям приходится кивать и соглашаться. А некоторые даже празднуют, ведь власти выделяют семье тысячу республиканских долларов в качестве утешительного подарка. Деньги и минус один лишний рот? Какое чуткое и заботливое правительство!

Только все это ложь. Провалившихся Республика втайне убивает. Стране нет никакой пользы от никчемного ребенка с плохими генами. Если повезет, Конгресс просто позволит вам умереть, в худшем – пошлет в лабораторию выявлять дефекты мозга или, как в моем случае, глаз и коленей.

Остается пять домов. Тесс замечает напряжение в моем взгляде и прижимается к плечу, чтобы успокоить. Я всматриваюсь в открытое окно своего дома и впервые за вечер вижу знакомое лицо. Мимо проходит Иден, выглядывает из окна, видит приближающихся солдат, а затем быстро ныряет в глубь дома и пропадает из виду. Свет уличного фонаря играет на его платиновых кудряшках.

– Похудел, – тихо говорю я.

– Он жив и может передвигаться, – отвечает Тесс. – Это уже хорошо.

Несколько минут спустя мимо окна проходят поглощенные разговором Джон и моя мать. Мы с Джоном очень похожи, только из-за тяжелой работы в энергоблоке он стал мускулистее. Его волосы, как у большинства жителей нашего сектора, длиной ниже плеч и собраны в хвост. Куртка измазана красной глиной. Я вздыхаю с облегчением. Так, по крайней мере, они трое здоровы настолько, что могут ходить. Даже если кто-то из них и заразился, еще слишком рано и есть шанс выздороветь.

Я все время думаю о том, что случится, если солдаты начертят красный крест на нашей двери. После их ухода моя семья еще долго будет стоять в гостиной. Потом Джон возьмет маму за плечи, и она, закрыв лицо, бросится в его объятия. Иден уйдет в нашу единственную спальню, где просидит остаток ночи. Утром они скудно поедят, выпьют воды и сядут в гостиной в ожидании выздоровления. Или смерти.

Мои мысли блуждают вокруг нашего с Тесс тайника украденных денег. Тысяча двести республиканских долларов. Достаточно, чтобы прокормить нас несколько месяцев... но этих денег не хватит, если моей семье потребуются лекарства.

Тянутся долгие минуты. Я прячу рогатку и играю с Тесс в «камень-ножницы-бумага». (Не знаю почему, но в этой игре она почти всегда побеждает.) Пару раз я бросаю взгляд на окно своего дома, но рядом с ним уже никто не ходит. Должно быть, они собрались у двери, чтобы открыть сразу же, как только постучат солдаты.

И вот время пришло. Сидя на краю окна, я высовываюсь так далеко, что Тесс хватается меня за руку, опасаясь, как бы я не вывалился. Солдаты стучат в дверь. Мать тут же ее открывает и, впуская солдата внутрь, закрывает. Я пытаюсь расслышать голоса, шаги, хоть какие-нибудь звуки в доме.

Тишина затягивается. Мы продолжаем ждать, и Тесс бросает на меня взгляд.

– Отсутствие новостей – хорошая новость, верно? – шепчет она.

– Очень странно, – отвечаю я.

Мысленно считаю секунды. Проходит минута. Потом две, потом четыре и, наконец, десять.

Потом пятнадцать минут. Двадцать минут.

Я смотрю на Тесс. Она пожимает плечами:

– Возможно, у них сломался датчик.

Проходит тридцать минут. Я не смею сдвинуться

с места. Боюсь моргнуть, чтобы ничего не пропустить. И продолжаю смотреть на свой дом, пока глаза не высыхают и не начинают слезиться. Пальцы отбивают ритм по рукояти ножа.

Сорок минут. Пятьдесят минут. Час.

– Что-то не так, – шепчу я.

– Ты не знаешь наверняка, – поджимает губы Тесс.

– Нет, знаю. Что можно делать так долго?

Тесс собирается ответить, но в этот момент из моего дома выходят солдаты, друг за другом, тихо и безразлично. Я напрягаю глаза, вглядываясь в окно – не пройдет ли кто мимо, но никого не видно. Последний солдат закрывает за собой дверь и тянет руку к поясу. У меня чернеет в глазах. Я знаю, что будет дальше.

Солдат достает баллончик и проводит по диагонали длинную красную черту на двери. Затем еще одну, вычерчивая букву «икс».

Я тихо ругаюсь и уже почти отворачиваюсь... но в этот момент солдат делает нечто неожиданное, никогда мной не виданное, нечто настолько странное и новое, что я лишь пялюсь на него в немом оцепенении.

Он проводит на двери моего дома третью черту, прямую вертикальную, которая рассекает икс пополам.

Джун

Полдень. Рубиновый сектор. 88 градусов по Фаренгейту

Я стою со своим братом Метиасом на балконе квартиры наших родителей. Обычно мне не нравится выслушивать его рассказы о служебных буднях: применении нового налогового закона, аресте предателей Республики, политике. Мне, будущему агенту-детективу, это неинтересно.

Но сегодня я слушаю брата очень внимательно. Он пристально вглядывается в небо, хмурится и снова полирует пистолет. Его что-то беспокоит.

– Нам сообщили, что в Лас-Вегасе объявился Дэй, – говорит брат. Он произносит имя Дэй так, словно устал постоянно его слышать.

Мое дыхание участилось. Я люблю истории о загадочном парне, хотя никогда об этом не говорю.

– Это правда? – спрашиваю я.

– К сожалению, нет. Просто какой-то парень напился в баре и хотел прославиться. Он никак не связан с Дэем. – Метиас переводит взгляд на меня и хмурится, заметив в моем голосе интерес.

У нас с братом одинаковые глаза, черные с золотистым отливом, одинаково длинные ресницы и темные прямые волосы. Метиасу длинные ресницы очень идут. Порой вокруг него вертится столько девушек, что хоть метлой отгоняй. Метиас засовывает пистолет в кобуру на поясе. Это новый пистолет, полуавтоматический, с малой отдачей, отделан старинным серебром под стать значку на груди Метиаса. Украшенная рукоять. Необычная вещь. Стоит не менее восемнадцати тысяч республиканских долларов.

Я все так же опираюсь на перила балкона.

– А вы, ребята, вообще когда-нибудь выходили на Дэя?

Метиас вздыхает:

– Рано или поздно мы его поймем. Как долго может скрываться обычный подросток? Не хотел бы я знать, что с ним сделает Конгресс. Список его преступлений выглядит как целая книга.

«Не нужно ловить Дэя, – думаю я. – По окончании университета я хочу сама его выследить». Полуденное солнце купает в тусклой желтизне облака, городской смог и террасы зданий, и с балкона я вижу, как рабочие вместе с животными на травяных террасах направляются в тень. Сознание по привычке перебирает детали. (В здании сорок семь террас. Один из работников террасы двенадцатого этажа ухаживает за стадом из тридцати двух карликовых овец. Головы у карликовых овец круглые, а не конусообразные, следовательно, их привезли по морю с Южно-Американских островов, и, если за работником закрепили именно это стадо, значит, он хорошо знает, как ухаживать за этим видом овец, возможно, какое-то время жил на островах и наверняка бегло говорит на нескольких диалектах испанского и португальского.)

Жара выматывает, и я отвлекаюсь от размышлений. Жилет липнет к рубашке, а украшенная кружевом рубашка – к коже.

Метиас снова поднимает голову к небу, натягивает перчатки (черный неопрен, спектральная подкладка, тыльная сторона украшена отличительными знаками капитана) и направляется в дом. Я слеую за ним.

– Похоже, вечером будет дождь, – говорит Метиас. Он останавливается и гладит нашего Олли, белую овчарку, который разлегся на диване. – Без меня не тренируйся. Не хочу, чтобы ты заболела, бегая под дождем.

Я не смотрю на брата и не отвечаю. «Начинается».

Метиас замечает мое молчание и переводит на меня взгляд. Я вижу, как на его лице возникает недовольство.

– И не гуляй с Олли по улицам. Вечером во всех секторах могут отключить электричество. Будь осторожна... По крайней мере, пока я не вернусь домой. Я серьезно, ясно? Я видел, как на тебя смотрят мужчины. Мне это не нравится.

Я терпеливо жду, пока брат договорит все то, что уже повторял мне бесчисленное множество раз (девятьюстами два, если точно): при сигнале о наводнении бежать на пятнадцатый этаж; держать поблизости газовые лампы на случай отключения в городе электричества; не тренироваться в скалолазании, используя внешнюю стену нашего дома; не отрабатывать навыки слежки за незнакомцами; *не пораниться*.

– И сама на обед не ходи. Пусть тебе что-нибудь принесут. – Метиас заставляет меня посмотреть ему в лицо и строго произносит: – Осторожнее с тем, кому открываешь дверь.

Я поднимаю бровь и говорю:

– Не смейся меня. Я же не дура. Нет надобности напоминать мне очевидное.

Метиас колеблется. Затем коротко улыбается в ответ, словно и правда не станет за меня беспокоиться, словно и правда согласен с тем, что я слишком умна для таких ошибок, а он просто параноик. Но все же я замечаю в его глазах тревогу. Несмотря на мою острую интуицию, отличную учебу в Стэнфорде, успехи в самообороне, стрельбе и рукопашном бое, в глазах Метиаса я все равно вижу тот же страх. Он боится, что со мной может что-то случиться, как с нашими родителями. Этот страх никогда не оставляет его лицо.

Метиас вздыхает и снова отворачивается.

– Просто не выходи никуда сегодня вечером. Останься дома.

– А сам-то уходишь. Я бы сказала, что это нелогично и лицемерно.

– Я уже говорил тебе «нет». Дважды. И ты все же хочешь пойти со мной?

– Ты так проницателен.

Метиас направляется в бывшую спальню родителей. Я прислоняюсь к стене, а брат открывает шкаф и начинает копаться в коробках.

– Когда я выбираю, кто пойдет на миссию, у меня нет надобности в тебе, Джун. Есть солдаты и способнее тебя.

– Правда? – отвечаю я. – Назови хоть одного.

– Томас. Уильям и Марк.

Я продолжаю смотреть на брата, но Метиас не поднимает голову и все так же роется в шкафу.

– Ответ неверен, – отвечаю я. – Мне известно, что я лучше.

– Тебе пятнадцать.

Да. А еще я единственная во всей Республике прошла испытание, получив высший балл в тысячу пятьсот очков.

– Это к делу не относится, – возражаю я. – В темном переулке я могу ускользнуть от всех троих.

– Мне не нужен кто-либо неуловимый. Не нужен детектив. Мне нужна охрана, большие отряды сильных людей, которые не ставят под вопрос мой авторитет.

Я прикусываю язык, чтобы промолчать. Метиас взял меня на миссию только раз. *Раз*. Год назад командир Метиаса поручил ему убить сбежавшего военнопленного. Военнопленный был солдатом Колоний, нашей страны-соседки, пустой земли на востоке Америки с затопленными полями и жаждущими войны дикарями. Метиас таскал меня за собой, и вместе мы преследовали военнопленного все дальше и дальше вглубь нашей территории, прочь от разделительных ограждений и полоски земли между Республикой и Колониями, прочь от фронта и усеянного воздушными кораблями неба. Я загнала преступника в угол, и Метиас его пристрелил.

Во время погони мне сломали три ребра и ранили в ногу ножом. Теперь Метиас отказывается брать меня с собой.

– Будь разумным, – говорю я спустя некоторое время. – Для наблюдения за лабораторией больницы тебе нужен проникательный солдат. Если явятся нежелательные гости, я первой это пойму. Я могу прикрыть твою спину. – «Я могу защитить тебя», – добавляю про себя.

Метиас даже не потрудился подумать.

– Нет, – отвечает он. – Решение окончательное. Я не возьму тебя в лабораторию.

– Значит, ты не доверишь мне свою жизнь. И жизни твоих солдат.

– Я полностью тебе доверяю.

Я замолкаю и смотрю, как Метиас достает из шкафа три коробки. Каждая размером двадцать на двадцать. Коробка номер один: старые фотоальбомы наших родителей. Коробки номер два и три: дневники Метиааса. Я стискиваю зубы. Не люблю, когда брат достает эти альбомы. Время от времени он просматривает их, бесполезные фотографии наших родителей. Не вижу в этом никакого смысла. Многие дети Республики потеряли родителей при более ужасных обстоятельствах, чем автокатастрофа. Зачем смотреть на фотографии людей, которых уже нет? Разве кому-то есть от этого польза? Разве это залечит твои раны? Но потом мне становится стыдно за подобные мысли. Я не знала родителей достаточно долго, чтобы полюбить их так, как Метиас. Если я оплакиваю их потерю, то оплакиваю *отсутствие* каких-либо воспоминаний о них. Все, что я помню, – это взрослые ноги, снующие по квартире, и взрослые руки, которые берут меня из кровати. Все.

Все детские воспоминания – аудитория, где я получила награду, теплый суп каждый раз во время болезни, то, как меня ругают или укладывают спать, – связаны только с лицом Метиааса.

Брат открывает коробку номер три. Там лежат двенадцать дневников в кожаном переплете.

– Что ты ищешь? – спрашиваю я.

– Ничего, ничего. Просто один свой старый значок.

Ложь! Метиас держит старые значки не здесь. Метиас отряхивает руки от пыли и поднимается. Потом колеблется, словно хочет мне что-то сказать, но раздумывает. Кладет руки мне на плечи.

– Я объясню позже... нам о многом нужно поговорить. – Метиас опять смотрит на коробки с дневниками, не обращая внимания на мой вопросительный взгляд. Потом быстро целует меня в лоб. – Люблю тебя, Джучок, – произносит он свое фирменное прощание. И поворачивается, чтобы уйти, не дожидаясь, пока выражение моего лица изменится.

– Я не стану дожидаться тебя и лягу спать, – бросаю вслед, но к тому времени Метиас уже стоит у входной двери, открывает ее, уходит. Некоторое время я остаюсь на месте, сглатывая страх, который поднимается во мне каждый раз, когда Метиас идет на миссию. Словно это последний раз, когда мы виделись. – Будь осторожен, – тихо шепчу я.

Но сейчас говорить это уже бесполезно. Метиас слишком далеко, чтобы меня услышать.

Дэй

В семь лет я опустил шарик дробленого льда в банку с бензином, подождал, пока жидкость затвердеет вокруг льда корочкой, и поджег. Потом запустил банку с помощью рогатки в окно местного полицейского управления. Я помню, как вскоре из-за угла вывернули пожарные машины, помню обугленные руины западного крыла здания полиции. Они так и не нашли виновника, а я не признался. В конце концов никаких улик не обнаружили. Я совершил идеальное преступление.

Мать надеялась, что я поднимусь выше своих незнатных предков. Стану кем-то выдающимся.

Я вполне известен, но мама вряд ли хотела для меня такой славы.

Снова опустилась ночь. Сорок восемь часов после того, как солдаты пометили дверь моего дома.

Я жду в тени у Центральной больницы Лос-Анджелеса, глядя на персонал, который снует туда и обратно через главные двери. Ночь облачно-безлунная, и я не вижу потрескавшийся знак Бэнк-Тауэра на верху строения. Каждый этаж освещен электрическим светом – роскошь, которая позволительна лишь для правительственных зданий и дома элиты. В ожидании разрешения въехать на подземную стоянку вдоль дороги выстроились военные джипы. Какой-то служащий проверяет их идентификационные номера. Я не свожу глаз с центрального входа, не смея шевельнуться.

Сегодня я потрясающе выгляжу. На мне хорошая обувь: ботинки из темной, разношенной до мягкости кожи, с крепкими шнурками и стальными мысками. Купил их за сто пятьдесят республиканских долларов из нашего тайника украденных денег. В каждой ботинке я спрятал нож. Двигая ступней, я чувствую кожей холодный металл. Черные штаны заправлены в ботинки, на поясе темный ремень, под подтяжками – рубашка с короткими рукавами, в карманах – пара перчаток и черный носовой платок. Вокруг пояса завязана темная рубашка с длинными рукавами. Распущенные волосы свисают ниже плеч. На этот раз я покрасил свои платиновые пряди черным спреем, словно окунул их в сырую нефть. Утром Тесс сходила на задний двор кухарни и заплатила пять долларов за ведро крови карликовой свиньи. Я намазал ею руки, живот и все лицо. На всякий случай еще обмакнул пальцы в грязь и провел по щекам.

Больница занимает первые двенадцать этажей здания, но меня интересует только один, без окон. Это четвертый этаж, лаборатория, где хранятся образцы крови и лекарства. Со стороны улицы четвертый этаж полностью скрыт за искусной каменной резьбой и старыми республиканскими флагами, темная ткань выцвела до мутно-серого тона. За фасадом располагается огромный этаж без кабинетов и дверей – просто одна огромная комната с инкубаторами, холодильниками, лампами и каталками, докторами и медсестрами в белых масках, с пробирками и пипетками. Мне все это известно потому, что я бывал там раньше. Я попал туда в тот день, когда провалил Испытание, в день, когда должен был умереть.

Я осматриваю торец башни. Иногда я врываюсь в здание, забираясь на балконы и балансируя на карнизах. Однажды я забрался на четырехфутовое строение меньше чем за пять секунд. Но эта башня слишком гладкая, на ней нет точек опоры. Придется проникнуть в лабораторию изнутри. Несмотря на теплую погоду, меня немного трясет, и я жалею, что не позвал с собой Тесс. Но двоих поймать легче, чем одного. К тому же лекарство требуется не ее семье. Я трогаю кулон, проверяя его под рубашкой.

За военными джипами подъезжает одинокий больничный грузовик. Из него выходит несколько солдат, они здороваются с медсестрами, пока остальные военные распаковывают ящики из грузовика. Лидер группы, молодой, темноволосый мужчина, с головы до пят одет в

черное, исключение серебряные пуговицы, что в два ряда украшают его офицерский мундир. Мужчина сливается с ночью. Я напрягаю слух, чтобы расслышать, что он говорит одной из медсестер.

– ...побережья озера. – Мужчина сжимает в руках перчатки. Я замечаю отблеск пистолета на его поясе. – Сегодня мои люди будут стоять на входах.

– Да, капитан, – отвечает медсестра.

Мужчина отдает честь:

– Меня зовут Метиас. Если появятся какие-то вопросы, обратитесь ко мне.

Они жмут друг другу руку и расходятся по своим делам.

Я жду, когда солдаты рассредоточатся по территории больницы. Человек по имени Метиас заводит разговор с двумя из своих людей. Машины скорой помощи периодически подъезжают к больнице, из них выносят людей со сломанными руками, иногда в лихорадке, с травмами головы и кровью на ногах. Я глубоко вздыхаю. Затем выхожу из тени и хромаю к больничному входу.

Сначала меня замечает одна из медсестер. Она окидывает взглядом мои перемазанные в крови руки и лицо.

– Меня примут? – кричу я ей и морщусь от воображаемой боли. – Есть свободная палата? Я могу заплатить.

В ответ медсестра поднимает одну бровь и отворачивается, чтобы что-то быстро записать в блокнот. На ее шее болтается бирка с идентификационным номером.

– Что случилось? – спрашивает медсестра.

Я тянусь к ней и падаю на колени.

– Было сражение, – говорю я, тяжело дыша. – Кажется, меня ранили.

Медсестра все равно на меня не смотрит. Она дописывает что-то в своем блокноте и кивает одному из охранников:

– Обыщите его.

Я стою на месте, пока два солдата проверяют наличие оружия, и нарочито вздрагиваю от прикосновений к рукам и поясу. Они забирают привязанный к ремню мешочек с республиканскими долларами, но ножей в ботинках не находят.

Солдаты дают медсестре добро, и она указывает на вход в больницу.

– Приемная врача налево. Располагайтесь.

Я благодарю медсестру и, прихрамывая, бреду к входу в больницу. Уже у дверей замечаю, как человек по имени Метиас искоса за мной наблюдает. Он терпеливо слушает одного из своих солдат, но, словно по привычке, запоминает мое лицо. У него очень темные глаза, которые в ночи имеют золотистый отблеск. Я достигаю двери и толкаю ее. Я тоже запомнил его лицо.

Внутри больница призрачно-белая. Слева, как и сказала медсестра, я вижу приемную, огромное пространство, заполненное людьми со всеми возможными видами травм. Многие из них стонут от боли... Один мужчина тихо и недвижимо лежит на полу. Я не хочу думать о том, как долго некоторые из них здесь находятся или сколько они заплатили, чтобы сюда попасть. Я отмечаю расположение солдат – двое у окна регистратуры, двое у двери кабинета врача вдалеке, несколько возле лифтов, у каждого имеется бирка с идентификационным номером – и опускаю взгляд к полу. Шаркаю к ближайшему стулу и сажусь. В кои-то веки больное колено помогает мне в маскировке. На всякий случай прижимаю руки к боку.

Я мысленно отсчитываю десять минут, достаточное время, чтобы в приемную прибыли новые пациенты и солдаты потеряли ко мне интерес. Потом встаю и, прикинувшись хромым, направляюсь к ближайшему солдату. Он бросает на меня тревожный взгляд и поднимает автомат выше.

– Сядь обратно, – приказывает он.

Я спотыкаюсь и падаю на него.

– Мне нужно в туалет, – хрипло шепчу я, трясущимися руками стискивая черную солдатскую форму. Солдат смотрит на меня с отвращением, а другие посмеиваются. Я вижу, как его палец медленно ложится на спусковой крючок автомата, однако другой солдат безмолвно мотает головой. Никакой стрельбы в больнице. Солдат, за которого я цепляюсь, отпихивает меня. Дулом автомата указывает на другой конец коридора.

– Туда, – выплевывает он. – Вытри это дерьмо с лица. И если еще раз меня схватишь, я тебя пристрелю.

Я отпускаю форму солдата и чуть не падаю на колени. Потом поворачиваюсь и плетусь в сторону огромной, свисающей с потолка таблички «Туалет». Кожаные ботинки скрипят, соприкасаясь с кафельным полом. Я чувствую на себе взгляды солдат, но наконец достигаю туалета и запираюсь.

Не важно, через пару минут обо мне уже забудут. И пройдет еще больше времени, прежде чем солдат, за которого я цеплялся, заметит пропажу своей бирки с идентификационным номером.

В туалете я тут же сбрасываю маскировку под раненого. Умываю лицо, стирая с него большую часть свиной крови и грязи. Расстегиваю ботинки, извлекаю из-под стелек ножи и засовываю их за ремень. Снова обуваю ботинки. Потом снимаю с пояса черную рубашку с воротником, застегиваю ее на все пуговицы, сверху надеваю подтяжки. Завязываю волосы в тугий хвост и засовываю его сзади под рубашку.

Наконец натягиваю перчатки и завязываю черным платком лицо, чтобы скрыть рот и нос. Если кто-то обратит на меня внимание, придется убежать, но я сумею скрыть свое лицо.

Закончив, я с помощью ножа откручиваю шурупы вентиляционной решетки. Затем прикрепляю украденную у солдата бирку к цепочке с медальоном и просовываю ноги в вентиляционную шахту.

Воздух здесь странно пахнет, и я радуюсь, что мое лицо прикрывает платок. Я ползу вперед так быстро, как могу. Стенки шахты в ширину не более двух футов. Продвигаясь все дальше, мне приходится закрывать глаза, напоминая себе о том, что необходимо дышать, что металлические стенки вокруг не сужаются. Забираться далеко мне не требуется: ни одна из этих шахт не ведет на четвертый этаж. Мне нужно всего лишь добраться до одной из больших лестниц, подальше от взглядов солдат, охраняющих первый этаж. Я из последних сил продвигаюсь вперед. Вспоминаю лицо Идена, думаю о лекарствах, в которых нуждаются Джон и моя мать. Вспоминаю странный красный крест с чертой посередине.

Спустя несколько минут я достигаю конца шахты. Поднимаю голову и, глядя сквозь решетку, в которую упираются ноги, через полосы света вижу изгиб лестничного марша. Пол безукоризненно-белый, чуть ли не прекрасный и, что самое главное, пустой. Я мысленно считаю до трех, затем поджимаю колени и с силой пинаю решетку шахты. Решетка вылетает. Я бросаю взгляд на лестницу – большой цилиндр с гипсовыми стенками и маленькими окошками. Огромную винтовую лестницу.

Теперь я должен двигаться быстро, без всяких уловок. *Бежать*. Я выскальзываю из вентиляционной шахты и кидаюсь к лестнице. Преодолев полпути, хватаюсь за поручень и, подтянувшись, перелетаю на верхний завиток лестницы. Должно быть, на меня смотрят камеры наблюдения. В любую минуту может прозвучать сигнал тревоги. Второй этаж, третий этаж. У меня не остается времени. Достигнув четвертого этажа, я срываю с цепочки бирку с идентификационным номером и останавливаюсь лишь затем, чтобы провести ею по считывающему устройству двери. Камеры безопасности не успевают вовремя дать сигнал тревоги, чтобы закрыть лестничный пролет. Щелчок ручки – распаивается дверь. Я внутри.

Вижу огромную комнату, заполненную рядами каталок и кипящими под металлическими колпаками химикатами. Доктора и солдаты смотрят на меня в испуге.

Я хватаю первого же человека. Это молодой доктор, который стоит ближе всех к двери. Прежде чем кто-либо из солдат успевает нацелить автомат в нашу сторону, достаю нож и приставляю к горлу доктора. Остальные врачи и медсестры в панике бросаются на пол.

– Если выстрелите, убьете его, – кричу я солдатам. Дула их автоматов сейчас направлены на меня. Схваченного мной доктора трясет.

Делаю вид, что прижимаю нож к шее доктора сильнее, но на самом деле слежу за тем, чтобы его не ранить.

– Я не причиню вам вреда, – шепчу на ухо доктору. – Скажите, где антидоты чумы.

Доктор сдавленно хрипит, я чувствую, как он вспотел. Указывает на холодильные установки. Солдаты все еще колеблются. Не потому, что беспокоятся за жизнь доктора, они боятся разбить склянки с химикатами перед нами. Один из солдат угрожает мне автоматом.

– Отпусти доктора! – кричит он. – Подними руки!

Мне хочется рассмеяться. Должно быть, этот солдат новобранец. Я прохожу с доктором полпути к холодильным установкам и останавливаюсь. Если продвинуться дальше, я ступлю за пределы ряда хрупких склянок с химикатами, и солдаты откроют огонь, невзирая на наличие заложника.

– Я отпускаю вас, – шепчу я доктору. – Пригнитесь.

Ослабляю хватку и толкаю его так, что он падает.

Солдаты открывают огонь. Но я бросаюсь вперед, перекачиваясь за химические колпаки и ползу к холодильным установкам. Открываю дверцу одного из холодильников и ныряю за нее. От дверцы рикошетом отскакивают пули. Мой взгляд мечется по этикеткам.

Доктор ошибся. Полка холодильника с надписью «Антидоты чумы» пуста. Они закончились. Я выкрикиваю проклятия, но из-за свиста пуль даже себя не слышу. Солдаты подбираются ближе. Я беру пузырьки с другими лекарствами – супрессивные средства и болеутоляющие – и засовываю под рубашку. Одна из этикеток привлекает мое внимание, и я останавливаюсь, лишь чтобы прочитать ее. На ней нарисован маленький красный крест с тремя линиями. «Вирусная мутация T. Filoviridae». В штативах стоит ряд пустых пробирок. Мое сердце подсказывает к горлу, но времени думать сейчас нет, поэтому отрываю взгляд от полки и бросаюсь вперед. Шальная пуля царапает руку, которую тут же пронзает жгучая боль. Я почти у выхода.

Врываюсь через дверь в цилиндр лестницы, и в тот же момент слышу вой сирены. Хор щелчков – все двери цилиндра запираются. Я в ловушке. Солдаты могут открыть любую из дверей, а я выбраться не смогу. Из лаборатории слышны крики и эхо шагов. Кто-то вопит:

– В него попали! Он ранен!

Я бросаю взгляд на маленькие окошки в гипсовых стенах цилиндра. Окошки слишком высоко, и с лестницы до них не дотянуться. Я упаду и разобьюсь насмерть. Скрипя зубами, достаю второй нож, так что теперь их по одному в каждой руке. Иного выбора нет. Я молюсь, чтобы гипс оказался достаточно мягким, и прыгаю со ступеней на стену.

Вонзаю один из ножей прямо в гипс. Из раненой руки хлещет кровь, и от боли я не могу сдержать стона. Я болтаюсь где-то посередине между окошком и местом, откуда прыгнул. Как можно сильнее раскачиваюсь из стороны в сторону.

Гипс начинает ломаться.

Я слышу, как у меня за спиной открывается дверь и из лаборатории выбегают солдаты. Вокруг свистят пули. Качнувшись в сторону окна, я отпускаю воткнувший в стену нож.

Окно разбивается, и, снова оказавшись в ночи, я падаю, падаю, падаю, подобно звезде, на землю. Я разрываю на себе рубашку и позволяю ей надуться за спиной наподобие парашюта, быстро вспоминая, как нужно падать. Колени согнуты. Ступни к земле. Расслабить мышцы. Приземлиться на подушечки пальцев ног. Перекатиться. Я держусь за концы рубашки, в кото-

рую задувает ветер, и чувствую, как она немного замедляет мое падение. Земля несется прямо на меня. Я обхватываю себя руками.

Удар вышибает из меня весь воздух. Я перекатываюсь три раза и врезаюсь в стену на другой стороне улицы. Мгновение лежу ослепленный и абсолютно беспомощный. Сверху, из окна четвертого этажа, доносятся разъяренные голоса: солдаты поняли, что для спуска по лестнице им понадобится вернуться в лабораторию и отключить сирену. Зрение постепенно проясняется, и я начинаю чувствовать боль по всему боку и в руке. Здоровой рукой помогаю себе подняться с земли и тут же морщусь от боли. В груди ноет. Кажется, я сломал ребро. Пробую встать и понимаю, что вывихнул лодыжку и ободрал левую руку. Не знаю, возможно, другие последствия падения скрывает адреналин.

Крики слышатся уже из-за угла здания больницы. Я заставляю себя думать. Сейчас я нахожусь почти позади здания, и от этого места в темноту расходятся несколько переулков. Я плетусь в спасительную тень.

Глядя через плечо, я вижу, как небольшая группа людей бежит к месту моего падения, и замечаю испачканные в моей крови осколки стекла. Один из солдат – молодой капитан, которого я видел ранее, человек по имени Метиас. Он приказывает своим людям рассредоточиться. Стараясь не замечать боли, я ускоряю шаг. Скоро они заметят на земле пятна крови. А потом найдут мой след. Я пригибаю плечи, чтобы черная одежда и волосы помогли мне раствориться в тенях. Не отрываю взгляда от земли. Я должен найти канализационный люк.

В глазах начинает расплываться. Я прикладываю ладонь к уху и ищу на себе следы крови. Ничего, только царапины и ушибы. Надеюсь, во время падения я не слишком сильно повредил голову.

Спустя некоторое время я замечаю на дороге канализационный люк. Глубоко вздыхаю, поправляю черный платок на лице и наклоняюсь, чтобы поднять крышку.

– Замри. Стой, где стоишь.

Я оборачиваюсь и вижу перед собой Метиаса, молодого капитана, который стоял у входа в больницу. Его пистолет направлен мне в грудь, но, к моему удивлению, Метиас не стреляет. Я крепче сжимаю оставшийся нож. В глазах Метиаса что-то меняется. Он узнает меня, парня, который притворился раненым и прошел в больницу. От такой иронии я слабо улыбаюсь. Теперь-то у меня полно настоящих ран.

Метиас прищуривает глаза:

– Должно быть, ты Дэй. Ты арестован за кражу, умышленную порчу имущества и незаконное проникновение.

– Вы же не собираетесь брать меня живым.

– Если хочешь, я могу убить тебя, – отвечает Метиас.

Дальше все происходит как в тумане. Я вижу, как Метиас готовится выстрелить. Я изо всех сил кидаю в него нож. Прежде чем Метиас успевает нажать на спуск, нож глубоко вонзается ему в плечо, и он с глухим стуком падает на спину. Я не жду, пока Метиас поднимется. Наклоняюсь и поднимаю люк, спускаюсь по лестнице во мрак. Затем ставлю люк на место.

Теперь меня настигает боль. Я бреду вдоль сточной трубы, зрение то мутнеет, то снова проясняется, одну руку я крепко прижимаю к боку. При каждом вдохе болит в груди. Должно быть, я и правда сломал ребро. Создание у меня достаточно ясное, чтобы думать о том, куда иду, и концентрироваться на направлении к сектору Лейк. Там ждет Тесс. Она найдет меня и поможет выбрать безопасное место. Кажется, сверху доносятся грохот ботинок и крики солдат. Несомненно, к этому времени Метиаса уже обнаружили, и, возможно, кто-то даже направился за мной в канализацию. Они могут идти по моим горячим следам со сворой собак. Я несколько раз сворачиваю в ответвления главного прохода и вхожу в грязные сточные воды. Позади слышны всплески и эхо голосов. Я сворачиваю еще несколько раз. Сначала голоса

немного приближаются, потом становятся дальше. Я придерживаюсь изначального направления, крепко засевшего в моей голове.

Не правда ли, будет смешно, если, сбежав из больницы, я умру здесь, заблудившись в лабиринте канализационных тоннелей?

Чтобы не потерять сознание, я считаю минуты. Пять минут, десять минут, тридцать минут, час. Шаги теперь очень далеко, как будто солдаты идут совсем по другому пути. Порой доносятся странные звуки, бульканье, словно в пробирку набирают воду, вздох паровой трубы, дуновение ветра. Звуки появляются и пропадают. Два часа. Два с половиной. Увидев лестницу, которая ведет наверх, я пользуюсь случаем и поднимаюсь на поверхность. Теперь я точно рискую потерять сознание. Выбираясь на улицу, я истратил последние силы. Я нахожусь в темном переулке. Отдышавшись, моргаю, чтобы прогнать туман перед глазами и осматриваюсь.

Через несколько кварталов отсюда я вижу вокзал Юнион-Стейшн. Значит, я недалеко. Тесс там, ждет меня.

Еще три квартала. Два квартала.

Остался еще один квартал. Больше не могу. Я нахожу темное место в переулке и падаю на землю. Последнее, что я вижу, – это силуэт девушки вдали. Может быть, это Тесс идет ко мне. Лежа на земле, я сворачиваюсь клубком и начинаю терять сознание.

Но прежде замечаю, что на моей шее нет медальона.

Джун

Я до сих пор помню день, когда мой брат Метиас пропустил церемонию посвящения в республиканскую армию.

Воскресный день. Жарко и противно. Небо застилали бурые облака. Мне было семь лет, а Метиасу – девятнадцать. Олли, пока еще щенок, спал на прохладном полу из мрамора. Я лежала в кровати с температурой, а Метиас сидел рядом с обеспокоенно нахмуренными бровями и кормил меня с ложки супом и витаминами. С улицы из громкоговорителей доносились слова присяги государству. При упоминании о президенте Метиас поднялся и отсалютовал в сторону столицы. Наш славный Президент совсем недавно заступил на очередной четырехлетний президентский срок. Он становился президентом уже в седьмой раз.

– Не обязательно сидеть со мной, – сказала я Метиасу, когда присяга отзвучала и он снова опустился на кровать. – Ступай на свое посвящение. Я все равно прямо сейчас не поправлюсь.

Метиас не обратил внимания на мои слова и положил мне на лоб свежее мокрое полотенце.

– Я пройду посвящение в любом случае, – ответил он и скормил мне дольку красного апельсина. Я помню, как он чистил для меня этот апельсин: сделал один длинный надрез и снял всю кожуру полностью.

– Но ведь речь идет о командире патруля Джеймсон. – Я удивленно моргаю опухшими веками. – Она оказала услугу, переведя тебя с фронта... и не обрадуется, если ты пропустишь посвящение. Разве об этом не сделают пометку в твоём личном деле?

Метиас только моргнул.

– Все в порядке, – ответил он. – Командир не уволит меня из патруля за такую ерунду. Кроме того, я всегда могу взломать их базу данных и поправить личное дело.

В ответ я улыбаюсь. Я тоже хотела в один прекрасный день пройти посвящение в армию, облачиться в темную форму Республики и думала, что мне, возможно, как и Метиасу, повезет с каким-нибудь известным командиром. Я отрыла рот для очередной ложки с супом.

– А мама ухаживала за мной, когда я болела? Она кормила меня с ложки?

Метиас убирает с моего лица мокрые от пота пряди. Он смеется надо мной, но в голосе его звучит нежность.

– Не будь глупой, Джучок. Конечно же мама за тобой ухаживала. И делала это гораздо лучше меня.

– Нет. Самый лучший – это ты, – прошептала я. Веки наливались тяжестью.

Мой брат улыбнулся:

– Очень мило с твоей стороны.

– Ты же не оставишь меня, правда? Ты останешься со мной дольше, чем мама и папа?

Метиас поцеловал меня в лоб.

– На веки вечные, малышка, пока не надоем тебе.

* * *

В полночь, когда приходит один из солдат Метиаса, я тут же чувствую неладное. Надрывно лает Олли. Я полностью одета, на мне униформа и черно-красный жилет, на ногах ботинки, а волосы завязаны в тугий хвост. На краткий миг я радуюсь, что за дверью не Метиас. Иначе он бы узнал, что я собираюсь пойти одна тренироваться. Узнал бы, что я снова его ослушалась.

Я открываю дверь и вижу Томаса, который служит в качестве солдата вот уже семь лет. У него вся та же копна каштановых волос и неуверенность во взгляде. Томас замечает мое удив-

ление и постоянно смотрит вниз – эта его привычка мне знакома еще с детства. У Томаса на лбу черная полоска оружейного масла, наверное проведенная указательным пальцем. Значит, ранее вечером он полировал свое оружие, а завтра состоится проверка их патрульного отряда. Я складываю руки на груди, а Томас вежливо отдает честь.

– Здравствуйте, мисс Айпэрис, – говорит он. – Надеюсь, у вас все в порядке.

Я глубоко вздыхаю, стараясь сохранить спокойствие. Томас стремится соблюдать регламент во всем. Даже здороваясь со мной. Несмотря на то что мы знакомы еще с тех пор, когда я едва умела ходить.

– Я собираюсь потренироваться. Где Метиас?

– Командир Джеймсон требует, чтобы вы как можно скорее отправились со мной в больницу. – Секунду Томас колеблется. – Скорее это приказ, а не требование.

У меня в животе вдруг появляется пустота.

– Почему она просто не позвонила мне? – спрашиваю я.

– Командир хотела, чтобы я вас сопровождал.

– Зачем? – Я повышаю голос. – Где мой брат?

Томас замолкает и глубоко вздыхает. Я уже заранее знаю, что он ответит.

– Мне жаль. Метиас убит.

И я погружаюсь в оцепенение, переставая что-либо слышать.

Словно вдалеке я вижу, как Томас пытается мне что-то сказать, машет руками, притягивает меня к себе и обнимает. Не понимая, что делаю, я обнимаю его в ответ. Ничего не чувствую. Не могу даже вспомнить, что сейчас сказал Томас. Киваю, когда он успокаивает меня и просит что-то сделать. Идти с ним. Томас одной рукой обнимает меня за плечи. В мою ладонь утыкается мокрый собачий нос. Олли выходит из квартиры вместе со мной. Я говорю ему держаться рядом, словно нахожусь от него далеко, запираю дверь, кладу ключ в карман и вместе с Томасом иду к лифтам. Он все время говорит, но я его не слышу. В лифте я смотрю на двери, на наши с Олли искаженные отражения в них.

Я не могу прочесть выражение собственного лица. Не уверена, что оно вообще сейчас что-либо выражает.

Метиас должен был взять меня с собой. Это первая связная мысль, которая приходит мне в голову, пока мы спускаемся на нижний этаж высотного здания и забираемся в ожидающий нас джип. Олли прыгает на заднее сиденье и высовывает голову в окно. Его глаза широко раскрыты. Воздух в машине спертый (пахнет резиной, металлом и потом – должно быть, недавно тут сидела группа мужчин), но, если не считать Томаса, Олли и меня, сейчас здесь больше никого нет. Томас садится на сиденье водителя и проверяет, пристегнут ли мой ремень безопасности. Какая глупость!

Метиас должен был взять меня с собой.

Я снова и снова прокручиваю в голове эту мысль. Томас больше ничего не говорит. Я смотрю в окно на пролетающие мимо улицы, а он изредка бросает на меня нерешительный взгляд. Где-то в уголке сознания я делаю пометку извиниться перед ним после. В конце концов, Томас тоже знал Метиаса. Знал его еще до моего рождения.

Мой взгляд равнодушно скользит по мелькающим мимо знакомым зданиям. Даже в этот час улицы полны людей, они склоняются над мисками дешевой еды на первых этажах кафе (маленькие порции тушеной баранины, значит, эти люди из бедного сектора и являются «синими воротничками», нанятыми для работы в моем секторе). Высоко вдали парят облака пара. Огромные экраны показывают последние объявления ФБР. Немного о так называемых Патриотах, группе повстанцев, которая последние месяцы вызывает в стране хаос. Несколько кадетов (желтые полосы, первый курс, не должны так поздно находиться на улице) тусуются на лестнице перед академией. Старая обветшалая надпись «Концертный зал имени Уолта Диснея» практически стерлась. Правительство обещает отремонтировать эту школу уже пятьдесят

лет. Перед нами проезжают еще несколько военных джипов, и я вижу холодные лица солдат. Некоторых из них в защитных очках, поэтому глаза разглядеть невозможно.

Небо пасмурнее, чем обычно, – признак скорого ливня, о котором предупреждал Метиас. Я накидываю на голову капюшон, на всякий случай, если вдруг забуду об этом, когда выйду из машины. Нет смысла мочить волосы под дождем.

Должно быть, я в какой-то момент полностью погружаюсь в свои мысли, потому что, снова посмотрев в окно, вижу совершенно другую часть города. Башня больницы возвышается над остальными зданиями всего в нескольких кварталах.

Томас замечает, как я вздрагиваю.

– Почти приехали, – говорит он.

Когда мы подъезжаем к месту, я вижу перекрещенные полосы желтой ленты, которые окружают площадку перед башней, группы военных и детективов, черные фургоны и машины скорой помощи. Олли начинает скулить. Мой мозг ухватывает детали.

– Значит, убийцу не поймали, – говорю я.

Томас бросает на меня взгляд и чуть было не проезжает на красный свет.

– Почему вы так думаете?

Я киваю в сторону больницы.

– Это просто нечто, – продолжаю я. – Парень выжил после падения с третьего с половиной этажа и даже нашел силы сбежать.

Томас смотрит на башню и пытается увидеть то, что вижу я: разбитое окно на лестнице четвертого этажа, площадка, окруженная лентой прямо под ним, солдаты, которые обыскивают переулки, малое количество машин скорой помощи.

– Мы его не поймали, – через мгновение признается Томас. Черная полоска на лбу придает ему диковатый вид. – Но это не значит, что мы не обнаружим его тело.

– Если до сих пор не обнаружили, то и не найдете.

Томас открывает рот, чтобы что-то сказать, но решает этого не делать и снова концентрирует внимание на дороге. Когда джип останавливается, я вижу, как командир патруля Джеймсон отходит от охранников и направляется к нам.

– Мне жаль, – произносит Томас.

Я встречаюсь с ним взглядом и чувствую укол вины за свою холодность. Томас – один из самых дисциплинированных солдат, которых я знаю, но при мне он ведет себя неуклюже со времен моей начальной школы, и я не всегда понимаю, как нужно реагировать. Я пытаюсь улыбнуться. Но в этот момент командир Джеймсон подходит к машине и дважды стучит мне в оконное стекло, чтобы привлечь внимание. У нее тонкие губы, окрашенные в ярко-красный цвет, и золотистые волосы, которые в ночи кажутся серыми. Почти черными. Командир ловит мой взгляд.

– Шевелитесь, кадет Айпэрис. У нас мало времени, – говорит она мне и замечает на заднем сиденье Олли. – Это же не полицейская собака, детка. – Даже сейчас она ведет себя твердо.

Я выхожу из джипа и поспешно отдаю честь. Олли выпрыгивает на улицу за мной.

– Вызывали, командир? – спрашиваю я.

Командир патруля Джеймсон не отвечает. Сразу поворачивается и идет к больнице, и мне приходится поторапливаться, чтобы идти рядом и не отстать.

– Ваш брат Метиас мертв, – говорит командир. Выражение ее голоса не меняется. – Я так понимаю, вы почти закончили подготовку в качестве агента, верно? Почти закончили обучение на детектива?

Я изо всех сил пытаюсь дышать. Второе подтверждение смерти Метиаса.

– Да, командир, – выдавливаю я.

Мы заходим в здание больницы. Приемная врача пуста, пациентов разогнали, охранники собрались у входа на лестницу, возможно, именно отсюда преступник и начал действовать. Командир Джеймсон смотрит вперед, сцепив руки за спиной.

– Сколько очков вы получили на Испытании?

– Тысячу пятьсот, командир. – Всем военным известны мои баллы. Но командир Джеймсон предпочитает делать вид, будто не знает или ей все равно.

Она продолжает шагать.

– А, все верно, – говорит командир так, словно слышит об этом впервые. – Возможно, ваша молодость сыграет нам на руку. Я связалась со Стэнфордом и сказала, что вы освобождаетесь от дальнейших занятий. Они вам больше не понадобятся.

– Командир? – хмурюсь я.

– Я получила полную историю ваших оценок. Отличные баллы по всем предметам. Говорят, вы настоящая смутьянка. Это так?

Я не понимаю, чего она от меня хочет.

– Иногда, командир. У меня неприятности? Меня исключат?

Командир патруля Джеймсон улыбается:

– Вряд ли. Вас выпустили досрочно. Идите за мной, детка. Я хочу вам кое-что показать.

Мне хочется спросить о Метиасе, о том, что здесь произошло. Но меня останавливает ледяной тон командира.

Мы идем по коридору первого этажа до запасного выхода в самом его конце. Затем командир Джеймсон разгоняет солдат, которые его охраняют, и пропускает меня вперед. Олли низко рычит. Мы выходим на улицу, на этот раз на задний двор больницы. Я вижу, что теперь мы находимся на площадке, окруженной желтой лентой. Вокруг нас стоят десятки солдат.

– Поторопитесь, – бросает мне командир Джеймсон, и я прибавляю шаг.

Мгновение спустя я понимаю, что именно мне хотели показать и куда мы направляемся. Неподалеку укрытое белой простыней тело. Около шести футов в длину. Человек. Руки и ноги, скрытые простыней, вроде бы не повреждены. Поза говорит о том, что сам упасть так он не мог, а значит, его убили. Меня начинает трясти. Я смотрю вниз на Олли, шерсть на его холке стоит дыбом. Он отказывается подходить ближе. Я несколько раз окликаю Олли, но он не двигается с места, и мне приходится оставить его, чтобы следовать за командиром Джеймсон.

Метиас поцеловал меня в лоб.

– На веки вечные, малышка, пока не надоем тебе.

Командир Джеймсон останавливается у тела. Наклоняется и бесцеремонно сдергивает простыню. Я не мигая смотрю на мертвое тело солдата, с ног до головы облаченного в черную форму военного. В его груди все еще торчит нож. Темная кровь пачкает рубашку, плечи, руки, резьбу на рукоятке ножа. Его глаза закрыты. Я опускаюсь перед ним на колени и убираю с его лица темные пряди волос. Так странно. Мое сознание перестало отмечать детали. Я не чувствую ничего, кроме глубокого оцепенения.

– Расскажите мне о том, что здесь произошло, кадет, – рявкает на меня командир Джеймсон. – Считайте это внеплановой контрольной. Личность этого солдата послужит вам отличной мотивацией поработать хорошенько.

Я даже не чувствую боли от ее слов. Мое сознание вновь наполняют детали, и я тут же начинаю говорить:

– Преступник бросал нож либо с близкого расстояния, либо он чертовски силен. Правша. – Я провожу пальцами по рукоятке с запекшейся кровью. – Впечатляющая меткость. Это один нож из пары, верно? Видите этот рисунок на лезвии? Он резко обрывается.

Командир Джеймсон кивает:

– Второй нож торчит в стене лестницы.

Я смотрю в темный переулок, по направлению к которому лежат ноги моего брата, и в нескольких футах замечаю канализационный люк.

– Преступник направился туда, – говорю я и оцениваю, в какую сторону повернут люк. – Он к тому же и левша. Интересно. Преступник амбидекстр.

– Пожалуйста, продолжайте.

– Отсюда по канализации преступник мог уйти глубже в город или на запад к океану. Он выберет город, потому что ранен и не может уйти далеко. Но сейчас выследить его уже сложно. Если преступник умен, он несколько раз сворачивал в канализационных переходах и шел через сточные воды. Не прикасался к стенам. Он не оставил никаких следов.

– Сейчас я вас ненадолго покину, так что соберитесь с мыслями. Встретимся минуты через две на лестничной площадке четвертого этажа, пусть фотографии поработают. – Командир бросает последний взгляд на Метиаса и отворачивается. – Жаль терять такого хорошего солдата. – Она пожимает плечами и уходит.

Я смотрю вслед командиру. Остальные держатся на расстоянии, очевидно желая избежать неловкого разговора. Я снова смотрю на лицо брата. К моему удивлению, оно выражает спокойствие. Кожа выглядит загорелой, а вовсе не бледной, как у мертвецов. Я почти жду, когда Метиас поднимет веки, зевнет, а потом улыбнется. На моих руках остались частички засохшей крови. Когда я пытаюсь их стряхнуть, они только сильнее прилипают к коже. Возможно, это и стало последней каплей для моего гнева. Руки начинают так сильно трястись, что мне приходится прижимать их к одежде Метиаса в попытке унять дрожь. Сейчас я должна анализировать место преступления... но я не могу сосредоточиться.

– Ты должен был взять меня с собой, – шепчу я. А потом прижимаюсь головой к его голове и начинаю плакать. Мысленно я произношу клятву для убийцы своего брата.

Я буду охотиться за тобой. Обыщу все улицы Лос-Анджелеса. Если понадобится, обыщу каждую улицу Республики. Я перехитрю тебя и собою с толку, солгу, предам, украду, только бы найти тебя, выманю из убежища и буду преследовать, пока бежать станет некуда. Даю слово. Твоя жизнь принадлежит мне.

Вскоре пришли солдаты, чтобы забрать Метиаса в морг.

Три семнадцать. Моя квартира. Та же ночь. Начался дождь.

Я лежу на диване, одной рукой обняв Олли. Место, где обычно сидит Метиас, пусто. Стопки его старых фотоальбомов и дневников лежат на кофейном столике. *Неужели только сегодня утром мы с ним разговаривали на балконе?* Прямо перед уходом Метиас хотел поговорить со мной о чем-то важном. Но теперь я уже никогда не узнаю о чем. У меня на животе лежат бумаги и отчеты. В одной руке я сжимаю медальон, улику, которую в данный момент изучаю. Смотрю на гладкую поверхность медальона, где отсутствует какой-либо рисунок. Потом со вздохом опускаю руку. Болит голова.

Недавно я узнала, зачем командир патруля Джеймсон вытащила меня из Стэнфорда. Она уже давно за мной наблюдает, а теперь ей потребовалась быстрая замена погибшему солдату. Самое время заполнить меня, пока этого не сделали другие.

– Мы испробовали разные тактики по поимке Дэя, но ни одна из них не сработала, – сообщила командир, прежде чем отправить меня домой. – Вот что мы сделаем. Я продолжу работать с патрулем. А ваши навыки мы проверим на деле. Покажите их и выследите Дэя. Возможно, вы сделаете это лучше благодаря молодости, свежему взгляду и личной причине поймать его. Если не получится, вам придется вернуться к прежней жизни. Если произведете на меня впечатление, я повышу вас до звания полноценного агента моего патруля. Я сделаю из вас легенду: вы единственный ребенок, набравший высшее количество баллов на Испытании, и самый молодой агент в Республике.

Я закрываю глаза и пытаюсь рассуждать.

Моего брата убил Дэй. Я знаю это потому, что между третьим и четвертым этажом мы нашли украденную бирку с идентификационным номером. Фотография на ней привела нас к солдату, которому она принадлежит, и с его рубашки мы сняли отпечатки пальцев. А они привели нас к Дэю, ведь, несмотря на то что у правительства больше нет его отпечатков, они совпадают с теми, что были оставлены на другом месте совершенного им преступления. Значит, Дэй был там, в больнице, и по неосторожности оставил бирку.

И это меня удивляет. Дэй ворвался в лабораторию, чтобы достать лекарство, следуя отчаянному, плохо продуманному плану. Он украл препараты для подавления чумы и обезболивающие, так как не нашел ничего более сильного. Судя по тому, как ему удалось сбежать, сам Дэй чумой не болен. А значит, болен некто близко с ним связанный, из-за кого он был готов рисковать жизнью. Некто, кто живет в Блуридже, Лейке, Уинтере или Эльте, секторах, которые недавно охватила чума. Если это так, Дэй в ближайшее время не станет покидать город. Он привязан к больному, руководствуется эмоциями.

А еще Дэй мог иметь спонсора, который нанял его достать лекарства. Но больница – это опасное место, и спонсору пришлось бы заплатить Дэю огромную сумму. За такие деньги Дэй продумает свои действия более тщательно, узнает, когда в лабораторию привезут свежие медикаменты. Кроме того, раньше Дэй никогда не работал по чьему-то заказу. У него нет никакой разумной причины начать заниматься этим сейчас. Да и кто наймет непроверенного человека?

Я не понимаю только одного: раньше Дэй никогда не убивал. В одном из своих прошлых преступлений он пробрался в зону карантина, связав уличного полицейского. На полицейском не осталось ни царапины (не считая фингала). В другой раз Дэй взломал банковское хранилище, но четырех охранников у входа не тронул, только лишил сознания. Однажды посреди ночи на аэродроме он поджег несколько реактивных истребителей. Разрушил одну из стен военного здания. Дэй крадет деньги, еду и вещи. Но он не устанавливает бомбы на дорогах. Не стреляет в солдат. Не покушается на чью-либо жизнь. *Не убивает.*

Так почему же Метиас? Дэй мог сбежать, не убивая его. Возможно, у Дэя были какие-то личные счеты? Мой брат сделал ему что-то плохое? Это не могло быть случайностью, ведь нож вонзился Метиасу прямо в сердце.

Прямо в его умное, глупое, упрямое и слишком заботливое сердце.

Я открываю глаза, подношу к ним руку и снова изучаю медальон. Он принадлежит Дэю, об этом нам сказали отпечатки его пальцев. Просто диск без всякого узора на нем, его мы нашли на лестнице вместе с украденной биркой. Он не принадлежит ни одной из известных мне религий. Медальон не представляет никакой денежной ценности: дешевый сплав никеля и меди, шнурок частично сделан из пластика. Это значит, что Дэй не крал этот медальон, он имеет для него иное значение и стоит того, чтобы носить, несмотря на риск потерять или обронить. Возможно, это амулет удачи. Возможно, его подарил некто, к кому Дэй привязан. Возможно, это тот же человек, для которого он пытался украсть лекарство. В медальоне заключен секрет. Только я не понимаю какой.

Дэй является легендой. Плохой парень, чьи подвиги меня когда-то восхищали. Но сейчас он – вызов мне, мой темный соперник, равный враг. Моя цель. Моя первая миссия.

Я собираюсь с мыслями в течение двух дней. На третий звоню командиру Джеймсон. У меня есть план.

Дэй

Прошлой ночью – не могу сказать, была ли это на самом деле ночь, – мне снилось, что я снова дома. Иден сидел на полу и выводил на половицах какие-то каракули. Мама была в кухне и не ругала его. Мы с Джоном, сидя на диване, тщетно пытались починить маленькое радио, которое хранилось в нашей семье долгие годы. Я до сих пор помню, как папа принес его домой. «Теперь мы будем знать, каких зараженных чумой кварталов избегать», – сказал он. Но теперь его потертые шурупы и шестеренки, преданно отслужив свое время, безжизненно лежали у нас на коленях и больше работать не могли. Все к лучшему, подумал я во сне.

Я злюсь из-за того, что вспомнил отца. Вспоминать его означает вспоминать о его исчезновении, за которое ответственна Республика.

Спустя некоторое время я поднимаю голову посмотреть, что Иден рисует на полу. Сначала я не могу разобрать каракули, они кажутся спутанными, бестолковыми, разбросанными в хаотичном порядке неугомонной рукой Идена.

Но при ближайшем рассмотрении я понимаю, что брат нарисовал врывающихся в дом солдат. Он нарисовал их кроваво-красным карандашом.

Я вздрагиваю и просыпаюсь. Тут же шурю глаза: в окно неподалеку проникает свет, серый и тусклый, я слышу тихий шум дождя. Комната, в которой я нахожусь, похожа на детскую спальню. Синие с желтым обои отваливаются кое-где по углам. В комнате горят две свечи. Моя нога свисает с края кровати. Под головой подушка. Шевельнувшись, я выпускаю стон и закрываю глаза. От боли все тело горит.

Меня настигает голос Тесс.

– Ты меня слышишь? – спрашивает она.

– Не так громко, милая. – Слова срываются шепотом с сухих губ. – Где я? С тобой все в порядке?

Лицо Тесс появляется в поле моего зрения. Ее волосы собраны в короткую косичку, розовые губы улыбаются.

– Все ли в порядке со мной? – переспрашивает Тесс. – Ты лежал без сознания более двух дней. Как ты себя чувствуешь?

Я морщусь от накатывающей боли:

– Потрясающе.

Улыбка Тесс дрожит.

– Ты почти добрался до вокзала... до улицы неподалеку. Если бы я не нашла того, кто возьмет нас в дом, ты бы уже умер.

Внезапно на меня обрушиваются воспоминания. Я вспоминаю вход в больницу, украденную бирку с идентификационным номером, лестничный марш, лабораторию, долгое падение, нож, брошенный в капитана, канализацию. Лекарство.

Лекарство. Я пытаюсь сесть. Но при резких движениях закусываю от боли губу. Рука дергается к шее... где больше нет медальона. В груди болит. Я *потерял его*. Мой отец рисковал жизнью, чтобы достать этот медальон, а я, глупец, *потерял его*.

– Тише, – пытается успокоить меня Тесс.

– С моей семьей все в порядке? Какие-нибудь лекарства уцелели после падения?

– Да, некоторые. – Тесс помогает мне снова лечь и ставит локти на кровать. – Препараты для подавления чумы лучше, чем ничего. Я уже отнесла их в дом твоей матери. Прошла через подвал и отдала Джону.

– Ты ведь не рассказала Джону, что случилось?

Тесс закатила глаза:

– Думаешь, я смогла бы это утаить? Сейчас все уже знают о проникновении в больницу, и Джону известно, что ты пострадал. Он просил поблагодарить тебя, но твой брат очень зол.

Я глубоко вздыхаю. По крайней мере, он взял лекарства. Иден протянет еще немного, а насчет лекций Джона я не возражаю. *Но я потерял медальон.* На мгновение я даже рад, что моя мать об этом не узнает, новость разбила бы ей сердце.

– Я не нашел антидотов. Полка в холодильнике пустовала, а времени искать не было.

– Все хорошо, – отвечает Тесс. Она готовит свежий бинт, чтобы перевязать мне руку. На спинке ее стула висит моя старая поношенная кепка. – У твоей семьи есть время. Мы попробуем еще раз.

– Чей это дом?

Задав вопрос, я тут же слышу звук закрывшейся двери и шаги в соседней комнате. Я бросаю на Тесс тревожный взгляд. Она спокойно кивает и предлагает расслабиться.

В комнату заходит мужчина, стряхивает с зонта грязные дождевые капли. В его руках коричневый бумажный пакет.

– Вы очнулись, – говорит он мне. – Это хорошо.

Я изучаю его лицо. Оно очень бледное и немного пухлое, с кустистыми бровями, бородой и добрыми глазами за стеклами очков.

– Девушка, – говорит мужчина, глядя на Тесс, – он сможет покинуть мой дом до завтрашней ночи?

– К тому времени мы уже уйдем. – Тесс берет бутылку с какой-то прозрачной жидкостью – должно быть, алкоголем – и смачивает ею бинты. Я вздрагиваю, когда она касается ими моей ободранной руки. Как будто о мою кожу зажгли спичку. – Еще раз спасибо вам, сэр, за то, что приютили нас на несколько дней.

Мужчина неуверенно бормочет и неловко кивает. Он осматривает комнату, словно что-то ищет.

– Боюсь, укрывать вас дольше я не смогу. Скоро придет проверочный патруль, вы должны уйти до их появления. – Хозяин дома колеблется, а потом достает из пакета две консервные банки и ставит на тумбочку. – Немного мяса с красным перцем и фасолью. Не самого лучшего качества, но голод утолить поможет. Я принесу вам хлеба.

Прежде чем мы с Тесс успеваем что-либо ответить, хозяин быстро выходит из комнаты, унося остальные продукты.

Впервые я осматриваю свое тело. На мне коричневые армейские штаны, грудь, рука и нога забинтованы.

– Почему он нам помогает? – тихо спрашиваю у Тесс.

Она поднимает глаза, отвлекаясь от перевязки моей руки.

– Не будь таким подозрительным. У этого человека был сын, который сражался на фронте. И несколько лет назад он умер от чумы.

Когда Тесс завязывает на бинте узел, мне хочется кричать.

– Подыши.

Я делаю, как говорит Тесс. Я чувствую в груди острую боль.

– Судя по всему, у тебя трещина в ребре, но, очевидно, никаких переломов. Ты поправишься довольно скоро. В любом случае хозяин дома не спрашивал наших имен, а я не расспрашивала его. Так будет лучше. Я рассказала хозяину, в результате чего ты пострадал. Думаю, это напомнило ему о сыне.

Я опускаю голову на подушку. Все тело с ног до головы болит.

– Я потерял оба ножа, – шепчу я, чтобы хозяин не слышал меня из другой комнаты. – Они были очень хорошими.

– Мне жаль, Дэй, – говорит Тесс. Она убирает с лица выбившуюся прядь и наклоняется ко мне. Показывает мне содержимое пластикового пакета. В нем лежат три серебряные пули. – Я

сохранила их для тебя. Нашла в складках твоей одежды и подумала, что они могут пригодиться для твоей рогатки или еще чего-нибудь.

Тесс кладет пакет мне в карман.

Я улыбаюсь. Когда мы впервые встретились, Тесс была костлявой сиротой десяти лет, которая рылась в мусорном контейнере в секторе Нима. В те годы она настолько нуждалась в моей помощи, что иногда я забываю, насколько полагаюсь на нее сейчас.

– Спасибо, детка, – отвечаю я.

Тесс мне подмигивает.

Спустя некоторое время я погружаюсь в глубокий сон. Не знаю, сколько проходит времени, прежде чем я снова просыпаюсь. На улице темно. Возможно, это тот же день, хотя я чувствую, что спал слишком долго. Ни солдат, ни полицейских. Мы все еще живы. С минуту я лежу без движения и просто смотрю в темноту. Похоже, хозяин дома все-таки не стал нас выдавать. Пока.

Тесс дремлет, сидя на стуле, уткнувшись лицом в сложенные на кровати рядом с моим плечом руки. Ее руки такие хрупкие, что кажется, они едва выдерживают тяжесть головы. Я продолжаю смотреть на Тесс. Иногда мне хочется найти хороший дом, добрую семью, которая захочет растить эту худенькую девчонку. Но каждый раз, когда я об этом думаю, меня начинает мутить, и я отталкиваю эту мысль. Потому что, если Тесс когда-нибудь найдет себе семью, она снова окажется в сетях Республики. А еще ей придется пройти Испытание, ведь она никогда этого не делала. Конечно, правительство установит ее связь со мной, и Тесс будут допрашивать. Я мотаю головой. Тесс придется терпеть меня, пока она не найдет кого-нибудь лучше.

Я осторожно шевелю ступней по кругу. Нога в лодыжке плохо гнется, но удивительно, что нет боли. Ни разорванных мышц, ни серьезной опухоли. Рана от пули все еще горит. Однако на этот раз мне хватает сил сесть почти без проблем. Я машинально поднимаю руки к голове и понимаю, что мои волосы распущены и спадают ниже плеч. Одной рукой я собираю их в неаккуратный хвост и закручиваю в тугий узел. Потом перегибаюсь через Тесс, хватаю свою потрепанную кепку со стула и надеваю.

«Ауч».

От движений руки тут же начинают болеть.

Мгновение спустя я чувствую запах мяса с фасолью и хлеба. На тумбочке возле кровати стоит чашка, от которой до сих пор идет пар, а на ее краю лежит кусочек хлеба. Я вспоминаю о двух банках консервов, которые наш хозяин поставил на тумбочку.

В животе урчит. Я с жадностью ем мясо с хлебом.

Слизнув с пальцев остатки соуса, слышу, как где-то в доме закрылась дверь, а через некоторое время – звук быстрых шагов, приближающихся к нашей комнате. Я тут же напрягаюсь. Тесс вздрагивает, просыпаясь, и хватается за руку.

– Что это за звук? – вскрикивает она.

Я подношу палец к губам.

В комнату в драном халате поверх пижамы забегает хозяин дома и подходит к нам.

– Вы должны уходить, – шепчет он. Его лоб усеян бисеринками пота. – Я только что узнал, что какой-то человек рыскал по нашему району. Он ищет вас.

Я продолжаю спокойно смотреть на хозяина дома. Тесс бросает на меня отчаянный взгляд.

– С чего вы так решили? – спрашиваю я.

Хозяин начинает прибираться в комнате, забирает мою пустую чашку и протирает тумбочку.

– Этот человек говорит, что даст antidоты чумы, кому они требуются. Сказал, что знает о вашем ранении. Он не называл имени, но, должно быть, имел в виду вас.

Я сажусь и спускаю ноги с кровати. Раны вспыхивают болью. Я вздрагиваю. Теперь выбора не осталось.

– Речь идет обо мне, – соглашаюсь я.

Тесс хватает оставшиеся чистые бинты и прячет их под рубашку.

– Это ловушка. Мы уходим немедленно.

Хозяин кивает.

– Вы можете выбраться через черный ход. Прямо по коридору слева.

На секунду я заглядываю хозяину в глаза. И в тот момент понимаю: он знает, кто я. Как и другие люди нашего сектора, которые узнавали нас с Тесс и помогали нам в прошлом, он не имеет ничего против проблем, доставляемых мной Республике.

– Мы очень благодарны, – отвечаю я.

Хозяин ничего не говорит. А я не жду ответа. Вместо этого хватаю Тесс за руку и, прихрамывая, выхожу из спальни, бреду по коридору к черному ходу дома. На меня волной обрушивается сырая ночь. Глаза слезятся от боли в ранах.

Мы пробираемся через тихие темные улицы шести кварталов и наконец сбавляем темп. Мои раны теперь просто гудят. Я тянусь к шее, чтобы прикоснуться к медальону и успокоиться, но вспоминаю, что у меня его больше нет. В желудке поднимается тошнота. Что, если Республика выяснит, чем является медальон? Они его уничтожат? Попытаются охотиться за его владельцем? Что, если он приведет их к моей матери?

Тесс опускается на землю, держась руками за стену.

– Нам нужно покинуть город, – говорит она. – Здесь слишком опасно, Дэй. Ты это знаешь. В Аризоне и Колорадо будет безопаснее... да даже в Барстоу. Я не возражаю жить в пригороде.

«Да, да. Я знаю». Смотрю под ноги.

– Не пойми меня превратно. Я тоже хочу уехать.

– Но не уедешь. Я вижу это по твоему лицу.

Некоторое время мы молчим.

– Моя семья, Тесс, – наконец говорю я.

Она грустно мне улыбается.

– Как ты думаешь, кто тебя ищет? – помолчав, спрашивает Тесс. – Как они узнали, что мы находимся в секторе Лейк?

– Я не знаю. Возможно, это был аферист или уличный торговец, прознавший о проникновении в больницу. Может, они думают, что у нас много денег. Может, это был солдат. Или шпион. В больнице я потерял свой медальон... Не знаю, как они используют его, чтобы получить обо мне информацию, но всегда есть шанс.

– Что ты собираешься с этим делать?

Я пожимаю плечами. Рана от пули начинает ныть, и для опоры я прислоняюсь к стене.

– Уж точно не собираюсь встречаться с этим человеком, кем бы он ни был... Но должен признать, мне любопытно, что он может рассказать. А что, если у него и правда есть лекарства?

Тесс смотрит на меня во все глаза. Такое же выражение лица у нее было, когда мы впервые встретились: смесь любопытства, надежды и страха.

– Что ж... Это не опаснее твоих безумных проделок в госпитале, верно?

Джун

Не знаю, то ли командир Джеймсон втайне мне сопереживает, то ли действительно чувствует потерю Метиаса, одного из самых перспективных солдат, но сейчас она помогает мне с организацией его похорон. Несмотря на то что раньше ни для кого из своих солдат такого не делала.

– Похороны должны быть под стать военному, – отвечает командир, когда я спрашиваю ее об этом. Говорить дальше она отказывается.

Как я и ожидала, погребение проходит по высшему разряду. Похороны членов состоятельных семей, таких как наша, всегда тщательно продуманы. Метиаса доставили в здание в стиле барокко, с высокими сводами и витражными окнами. Полы застлали белыми коврами, поставили белые столы, заставленные вазами с белой сиренью. Все одеты в белое. На мне изысканное белое платье. Парикмахер поднял мои волосы, оставив несколько завитков ниспадать на плечо. Прическа украшена белой розой. С ушей свисают жемчужные серьги, короткое жемчужное кольцо обхватывает мою шею. Я выбирала платье сама: с корсетом на лентах, шелковой верхней юбкой, драпированной сзади.

Длинные шелковые перчатки достигают локтей. Мои веки покрывают мерцающие белые тени, а ресницы окутаны белой тушью. Все вокруг лишено цвета, так же как моя жизнь теперь лишена Метиаса. Общую белизну комнаты нарушают лишь республиканские флаги за алтарем.

Метиас говорил, что так было не всегда. Белый цвет стал траурным после первых наводнений и стихийных бедствий. Он поведал мне об этом, когда я спросила, как проходили похороны наших родителей.

– Говорят, после первых наводнений, – рассказывал брат, – несколько месяцев с неба падал белый вулканический пепел. Мертвые и умирающие были окутаны им. Носить белое – значит помнить о мертвых.

Интересно, чем сейчас занят Дэй, во что он одет. Надо полагать, не в белое.

Я потерянно и бесцельно иду сквозь толпу гостей, отвечаю на слова соболезнования надлежащими фразами, к которым уже успела привыкнуть.

– Я так сочувствую вашей потере, – говорят все.

Я узнаю некоторых учителей Метиаса, его друзей-солдат и начальство. Они берут меня за руку и качают головой.

– Сначала ваши родители, а теперь и брат. Могу представить, как вам тяжело.

«Нет, не можете». Но я любезно улыбаюсь на слова соболезнования и киваю, ведь все желают мне только хорошего.

– Спасибо за добрые слова, – отвечаю я. – Уверена, Метиас гордился бы собой, зная, что отдал жизнь за свою страну.

Иногда я ловлю на себе восхищенный взгляд какого-нибудь поклонника, но не обращаю внимания. Я не нуждаюсь в подобном отношении. Мой сегодняшний вид предназначен не для них. Это красивое платье я надела лишь для Метиаса, чтобы без слов показать, как сильно его люблю.

Спустя некоторое время я сажусь за стол, накрытый белой скатертью, который стоит в передней части зала перед усыпанным цветами алтарем, где скоро соберутся люди, чтобы произнести надгробные речи для моего брата. Я с уважением склоняю голову перед флагами Республики. Потом мой взгляд устремляется к белому гробу. Отсюда мне плохо видно лежащего в нем человека, но я и не стараюсь присматриваться.

– Вы прекрасно выглядите, Джун.

Я поднимаю голову и вижу Томаса, который кланяется мне, а потом садится рядом. Свою военную форму он сменил на элегантный костюм с жилеткой и постриг волосы. Я улыбаюсь, но машинально. Сейчас мне вовсе не нужно, чтобы мной восхищались.

– Спасибо. Вы тоже.

Томас замечает выражение моего лица и внезапно широко раскрывает глаза.

– Это... Я имею в виду, что вы прекрасно выглядите, несмотря на случившееся.

– Я знаю, что вы имеете в виду, – касаюсь руки Томаса, чтобы успокоить его. Он криво улыбается. Хочет сказать что-то еще, но решает промолчать и неловко отводит глаза.

Требуется полчаса, чтобы все расселись по местам, а еще через полчаса официанты начинают разносить блюда. Я ничего не ем, нет аппетита. Командир Джеймсон садится напротив меня на противоположном конце нашего стола. Между ней и Томасом расположились трое моих одноклассников из Стэнфорда, с которыми я обмениваюсь натянутыми улыбками. По другую сторону от командира Джеймсон сидят трое военных, которых я не знаю. С другого бока от меня находится человек по имени Кайан. Он организует и курирует все Испытания в Лос-Анджелесе. Кайан присутствовал на моем Испытании. Он был знаком с нашими родителями, так что его присутствие вполне объяснимо... но почему он сидит рядом со мной?

Потом я вспоминаю, что, прежде чем мой брат присоединился к патрулю командира Джеймсон, Кайан был его наставником. Метиас его возненавидел.

А теперь этот человек хмурит кустистые брови и похлопывает меня по обнаженному плечу.

– Как вы себя чувствуете, моя дорогая? – спрашивает Кайан. Лицо его кривят шрамы: порез на переносице и еще один неровный след, который идет от уха до нижней части подбородка.

Мне удастся изобразить улыбку.

– Лучше, чем ожидалось.

– Что ж, тогда я скажу.

Смех Кайана заставляет меня сжаться от страха.

Он осматривает меня с головы до ног.

– Это платье делает вас похожей на свежий зимний цветок.

Я из последних сил сохраняю на лице улыбку. «Спокойно, – говорю я себе. – Кайан – человек, с которым лучше не враждовать».

– Вы знаете, я очень любил вашего брата, – продолжает он с преувеличенной симпатией. – Помню Метиаса еще ребенком... вы бы его видели! Они с Томасом... – Кайан замолкает и поднимает одну бровь, глядя на Томаса, который краснеет и кивает, – бегали по гостинной ваших родителей в одних подгузниках, сложив ручонки как пистолеты... Они были рождены, чтобы пополнить наши отряды.

– Спасибо, сэр, – отвечаю я.

Кайан отрезает приличный кусок стейка и отправляет в рот.

– Во времена моего менторства Метиас был великолепен. Он вам когда-нибудь рассказывал?

В ту же секунду в моем сознании вспыхивает воспоминание. Дожливая ночь первого задания Метиаса. Они с Томасом взяли меня в сектор Танагаси, где я впервые съела миску эдаме (свинина, спагетти и булочки со сладким луком). Я помню их в полном обмундировании. Себя в грязных штанах и с растрепанными косичками. Томас меня дразнил, а Метиас молчал. Полы его мундира были запачканы кровью. Неделью спустя Метиас резко разорвал отношения с ментором, подал прошение, в результате чего его перевели в патруль командира Джеймсон.

Мне нужна лишь секунда, чтобы солгать, отвечая:

– Метиас говорил, что это секретная информация.

Кайан смеется.

– Хорошим парнем был Метиас. Великолепным учеником. Представьте мое разочарование, когда его включили в городской патруль. Мне он сказал, что недостаточно умен, чтобы быть судьей на Испытаниях и разбираться с результатами детей, которые его прошли. Сама скромность. Метиас всегда был гораздо умнее, чем сам думал. Прямо как вы.

Кайан мне улыбается.

Я киваю. Кайан заставлял меня проходить Испытание дважды, потому что я получила высший балл за рекордно короткое время (один час и десять минут). Он решил, что я жульничала. Я не только единственная, кто получил высший балл из всей нации. Возможно, только я проходила Испытание *два раза*.

– Вы очень добры, – отвечаю я. – Но мне никогда не достичь уровня брата.

Движением руки Кайан меня прерывает.

– Глупости, моя дорогая, – говорит он и наклоняется неприятно близко. В его улыбке есть нечто масляное и противное. – Я сам подавлен тем, как погиб Метиас, – авторитетно заявляет Кайан. – От рук Дэя, этого малолетнего ублюдка. Какой позор! – Он шурит глаза, и его кустистые брови кажутся еще более густыми. – Я так обрадовался, когда командир Джеймсон сообщила мне, что выслеживать Дэя будете вы. Его случай требует свежего взгляда, и вы как раз для этого подходите. Какая замечательная первая миссия, а?

Я ненавижу Кайана всем своим существом. Томас заметил мое напряжение и сжал мою руку под столом. «Просто потерпите», – пытается он этим сказать. Наконец Кайан отворачивается, чтобы ответить на вопрос своего соседа. Томас хлопывает меня по плечу и наклоняется к самому уху.

– У Кайана личные счеты с Дэем, – шепчет он.

Я перевожу взгляд на Томаса.

– Правда? – шепчу в ответ.

Томас кивает:

– Это Дэй оставил ему шрам от уха до подбородка.

«Неужели?» Я не могу сдержать удивления. Кайан крупный мужчина и проработал в администрации Испытаний дольше, чем я себя помню. Он опытный работник. Неужели парень-подросток действительно мог так сильно его ранить, а потом сбежать? Я смотрю на Кайана и изучаю шрам на его лице. Ровный порез, сделанный ножом. Вряд ли Кайан стоял бы смирно, пока кто-то резал ему кожу, а линия очень прямая, должно быть, это произошло быстро. На мгновение, всего на долю секунды, я оказываюсь на стороне Дэя. Радуюсь тому, что он сделал с Кайаном. Я бросаю взгляд на командира Джеймсон, которая не сводит с меня глаз, словно знает, какие мысли посетили мою голову. И чувствую тревогу.

Томас снова касается моей руки. Он ободряюще мне улыбается.

– Послушайте, – говорит Томас. – Республика – великое государство. Дэй не может скрыться от правительства вечно. Рано или поздно мы отыщем этого уличного сопляка. Раздавим, как жука, а другим это послужит примером. С вами ему не справиться, особенно когда вы в гневе.

От доброты Томаса приходит слабость, и я вдруг чувствую, словно рядом со мной сидит Метиас, говорит, что все будет хорошо и Республика меня не подведет. Однажды брат пообещал остаться рядом со мной навечно. Я отвожу взгляд, чтобы Томас не видел, как мои глаза наполняются слезами. Мне нельзя сейчас плакать.

– Давайте покончим с этим, – шепчу я.

Дэй

Ранний вечер. Я бреду по улицам между секторами Эльта и Уинтер, прохожу мимо озера, затерявшись в толпе людей. Раны все еще болят. Я по-прежнему ношу армейские штаны, которые дал мне хозяин дома, а перебинтованный бок и руку скрываю под тонкой рубашкой, найденной Тесс в мусорном контейнере. Мои волосы надежно спрятаны под кепкой. К своей сегодняшней маскировке я добавил повязку на левом глазу. Ничего особенного. Среди этого моря «синих воротничков» полно работников с производственными травмами.

Меня окружают знакомые звуки: торговцы вареными гусиными яйцами, пирогами и хот-догами со свининой расхваливают товар перед прохожими. Продавцы продуктовых и кофейных магазинов стоят в дверях, пытаюсь привлечь покупателей. Мимо с грохотом проезжает старая машина. На озере, аккуратно обходя водяные турбины, установленные по краям, пыхтят теплоходы. Береговая система предупреждения о наводнениях молчит, лампы не горят. Работники вечерней смены плетутся домой. Время от времени девушки обращают на меня внимание и краснеют, когда я смотрю на них. Некоторые районы заблокированы. Их я обхожу стороной. Такие районы солдаты поместили как зоны карантина.

Звучит клятва. Я бросаю взгляд наверх на громкоговорители, прикрепленные к крышам зданий. Они потрескивают, отчего голоса звучат искаженно. На больших экранах останавливают рекламу и предупреждения ФБР о нападениях повстанцев Патриотов, чтобы показать изображения нашего флага. *«Клянусь в верности флагу великой Американской республики, нашему Президенту, нашим славным штатам, сплоченности против Колоний и нашей скорой победе!»*

Прохожие останавливаются. При упоминании Президента мы все отдаем честь по направлению к столице. Я шепотом произношу клятву, но замолкаю на последних двух фразах, когда полицейские уже не смотрят в мою сторону.

Клятва заканчивается, и жизнь возобновляется. Я выбираю китайский бар, покрытый граффити. Хозяин, который стоит в дверях, широко улыбается мне – у него не хватает нескольких зубов – и проводит меня внутрь.

– Сегодня у нас скидки на пиво «Циндао», – говорит он. – До шести часов.

Хозяин нервно стреляет взглядом по сторонам. Наверное, другие торговцы в городе его скидки не одобряют. Должно быть, он уже давно не в состоянии выплачивать налоги государству, раз готов идти на такой риск.

Я благодарю хозяина и прохожу внутрь.

Темно. В воздухе пахнет табачным дымом, жареным мясом и газовыми лампами. Я пробираюсь сквозь нагромождение столиков и стульев – по дороге прихватываю еду с тарелок беспечных посетителей и прячу под рубашку, – пока не достигаю барной стойки. Большой кружок посетителей за моей спиной веселится, наблюдая за чьей-то схваткой. Они поступают благоразумно, устраивая бои днем, а не вечером, когда полиция ходит по барам и арестовывает игроков. Ведь нелегальный игровой бизнес не приносит прибыли в казну Конгресса. Однако иногда игрокам везет, и полицейские принимают их выигрыши в качестве взятки.

Девушка-бармен не интересуется, сколько мне лет. Она даже на меня не смотрит, только спрашивает:

– Что будешь?

Я мотаю головой и отвечаю:

– Просто воды, пожалуйста.

Позади слышатся громкие крики: кто-то из борцов проиграл.

Барменша окидывает меня скептическим взглядом, который тут же устремляется к повязке на глазу:

– Что случилось с твоим глазом, парень?

– Несчастный случай на террасе. Я пас карликовых коров.

Лицо барменши выражает отвращение, но, кажется, я ее заинтересовал. И она перестала обращать внимание на мой внешний вид.

– Какая жалость! Уверен, что не хочешь пива? Должно быть, рана все время болит.

Я мотаю головой:

– Спасибо, милая, но я не пью. Предпочитаю оставаться трезвым.

Барменша мне улыбается. Она довольна мила, в мерцающем свете ламп сияют ее мягко растушеванные зеленые тени. Короткие черные волосы. Татуировка в виде виноградной лозы струится вниз по шее и исчезает в вырезе рубашки с корсетом. На шее висят грязные очки: возможно, они служат защитой в случае потасовок в баре. Мне немного жаль. Не будь я занят сбором информации, я бы поболтал с этой девочкой и уговорил на поцелуй или три.

– Тогда что же ты будешь? – спрашивает она. – Просто решил завалиться сюда и разбить пару женских сердец? Или ты дерешься? – Девушка кивком указывает на людей за моей спиной.

Я улыбаюсь:

– Это я оставляю тебе.

– С чего ты решил, что я дерусь?

Я киваю на ее руки, покрытые шрамами, и синяки на кистях. Губы девушки медленно растягиваются в улыбке.

Я пожимаю плечами:

– Чтобы меня поймали на одном из таких рингов? Нет. Я просто прячусь от солнца. А ты вроде хорошая компания. Конечно, если у тебя нет чумы.

Расхожая шутка. Девушка смеется и наклоняется через стойку.

– Я живу на окраине сектора. Там безопасно.

Я тоже наклоняюсь к ней.

– Тогда тебе повезло. – Теперь я говорю серьезно. – Двери моих знакомых недавно поместили крестом.

– Сочувствую.

– Я хочу кое-что спросить, просто из любопытства. За последние несколько дней ты слышала о человеке, у которого имеется противочумная вакцина?

Барменша поднимает брови.

– Да, слышала. Несколько человек отчаянно его разыскивают.

– А ты слышала, что он говорит?

Секунду девушка колеблется. Я замечаю на ее носике бледные веснушки.

– Он появился всего день или два назад. Говорит, что хочет кое-кому отдать антитокс. Только одному человеку. И этот человек поймет, о ком идет речь.

Я притворяюсь, что меня это веселит.

– Этот парень счастливчик, да?

Барменша улыбается.

– Кроме шуток. Этот человек хочет встретиться с ним сегодня в полночь в месте десяти секунд.

– В месте десяти секунд?

Девушка пожимает плечами:

– Черт знает, что это значит. По правде говоря, никто не понимает, о чем идет речь. – Барменша наклоняется ближе и шепчет мне на ухо: – Знаешь, что я думаю? По-моему, этот человек сумасшедший. Должно быть, у него недавно кто-то умер или вроде того.

Я смеюсь вместе с девушкой, но мои мысли мечутся. Теперь у меня нет никаких сомнений в том, что разыскивают именно меня. Только я знаю, что означает место десяти секунд. Почти

год назад я ворвался в банк «Аркадия» через черный ход. Один из охранников попытался меня убить. Он крикнул, что мне не удастся пробраться в хранилище, потому что лазеры порежут меня на куски, а я лишь посмеялся. Я сказал, что доберусь туда за десять секунд. Охранник мне не поверил... Впрочем, мне никогда не верят, пока я, наконец, не подтверждаю свои слова действиями. На те украденные деньги я купил себе пару отличных ботинок и даже обзавелся электронной бомбой с черного рынка, способной вывести из строя все оружие в радиусе своего действия. Бомба пригодилась мне при нападении на авиабазу. А Тесс сменила гардероб полностью. Купила новые фирменные рубашки, обувь, штаны, приобрела бинты, медицинский спирт и даже маленький флакон аспирина. Мы накупили кучу еды. Остальные деньги я отдал своей семье и случайным людям из сектора Лейк.

Пофлиртовав с девушкой за барной стойкой еще пару минут, я прощаюсь и выхожу на улицу. Солнце еще высоко. У меня на висках выступил пот. Теперь я знаю достаточно. Должно быть, люди из правительства нашли в больнице какую-то зацепку и теперь хотят заманить меня в ловушку. В полночь они пришлют в банк своего человека, а потом разместят у черного хода солдат. Держу пари, они думают, что я в полном отчаянии.

Возможно, они действительно принесут с собой противочумную вакцину, чтобы выманить меня из засады. Я сжимаю губы. Хм-м-м. Потом поворачиваюсь и иду в другую сторону. К финансовому кварталу.

Сегодня у меня назначена встреча.

Джун

В Баталла-Холл холодные флуоресцентные огни. Я одеваюсь в ванной. Черная жилетка поверх черной водолазки, узкие черные брюки заправлены в ботинки, на плечах длинный черный плащ, который укутывает меня подобно одеялу. По всей его длине проходит белая полоса. Мое лицо скрывает черная маска, на глазах – инфракрасные очки. Кроме этого у меня есть маленький микрофон и еще более миниатюрный наушник. И пистолет. Просто на всякий случай.

Мне необходимо выглядеть бесполой, простой, незапоминающейся. Необходимо выглядеть дилером с черного рынка.

Метиас покачал бы головой, глядя на меня. «Ты не должна идти в одиночку на секретное задание, Джун, – сказал бы он. – Ты можешь пострадать». Как всегда, лицемерно.

Я сжимаю застежку плаща (сталь с бронзовым напылением, значит, ее, вероятно, привезли из Западного Техаса) и направляюсь к лестнице, которая ведет из Баталла-Холл в банк «Аркадия», где я должна встретить Дэя.

Мой брат мертв всего сто двадцать часов. А мне кажется, что его нет целую вечность. Семьдесят часов назад я получила доступ к секретным базам и с помощью Интернета попыталась как можно больше узнать о Дэе. Сорок часов назад я выложила командиру Джеймсон свой план по поимке Дэя, и тридцать два часа назад она его одобрила. Сомневаюсь, что командир помнит, каков он. Тридцать часов назад я направила в каждый зараженный чумой район Лос-Анджелеса – Уинтер, Блуридж, Лейк и Эльту – по разведчику. Они распространяли слух: существует человек, у которого имеется лекарство от чумы, он будет ждать в месте десяти секунд. Двадцать четыре часа назад я присутствовала на похоронах своего брата.

Сегодня я не поймаю Дэя. Я даже не надеюсь его увидеть. Он знает, где находится место десяти секунд, и понимает, что я либо правительственный агент, либо мафиози с черного рынка, который платит правительству. Дэю не покажется. Даже командир Джеймсон – а для нее это мое первое проверочное задание – знает, что мы его и мельком не увидим.

Нет, сегодня мне нужна лишь четкая отправная точка, я хочу сузить радиус поиска, узнать о преступном мальчишке нечто личное.

Я благоразумно держусь подальше от света уличных фонарей. На самом деле для меня было бы предпочтительнее добираться до места по крышам, однако в финансовом квартале все они охраняются. Вокруг меня горят красочными огнями огромные экраны, из громкоговорителей доносятся искаженные и трескучие звуки рекламы. На одном из экранов по иронии показывают новое предупреждение о Дэе. На этот раз на снимке изображен парень с длинными черными волосами. Вся улица мерцает огнями, под светом которых идут толпы ночных работников, полицейские и торговцы. Глядя на главные улицы, я то и дело вижу танки, за ними следуют солдатские взводы. (У них синие полосы на рукавах, значит, они только что вернулись с фронта или, наоборот, туда направляются.) Они все похожи на Метиаса, и мне приходится дышать глубже, ускорить шаг – все, что угодно, лишь бы остановить слезы.

Я долго иду через район Баталла, по боковым дорогам квартала мимо заброшенных зданий, и останавливаюсь, лишь отойдя на приличное расстояние от военных территорий.

Местная полиция не знает о моем задании. Если они увидят меня в этой одежде, в инфракрасных очках, то станут допрашивать.

Банк «Аркадия» находится на тихой улочке. Я захожу сзади и останавливаюсь в конце переулка, где расположена стоянка. Здесь я жду, скрываясь в тени. Инфракрасные очки стирают почти все краски. Я осматриваюсь и вижу на крышах ряды громкоговорителей, уличную кошку, которая свесила хвост, сидя на крышке мусорного бака, заброшенный киоск, обклеен-

ный старыми антиколониальными бюллетенями. (Они напечатаны на белой бумаге, значит, их расклеили в прошлом сентябре.)

Часы на стекле очков показывают двадцать три пятьдесят три. Оставшееся до полуночи время я провожу вспоминая историю Дэя. До ограбления этого банка он уже появлялся в наших записях три раза. Но это касалось лишь тех случаев, когда удавалось обнаружить отпечатки пальцев, так что о других, более мелких преступлениях Дэя можно только догадываться. Я внимательнее осматриваю переулок позади банка. Как удалось Дэю ворваться сюда за десять секунд, если у входа стояло четыре вооруженных охранника? Переулок узкий. Возможно, он сумел взобраться по стене на второй или третий этаж, при этом используя оружие охранников против них самих. Может быть, Дэй вынудил их пристрелить друг друга. Может быть, разбил окно и влез внутрь. Это заняло бы всего несколько секунд. Но что он делал дальше, я понятия не имею.

Я уже знаю, насколько проворен Дэй. Взять хотя бы то, что он выжил после падения с третьего с половиной этажа. Но сегодня такого шанса у него не будет. Не важно, насколько Дэй быстр; прыгнув с такой высоты, невозможно сразу ходить нормально. Дэй не сможет взбираться по стенам или лестницам по крайней мере еще неделю.

Внезапно я замираю. Уже две минуты первого. Кошка спрыгивает с мусорного бака и убегает. Откуда-то издали доносится эхо щелкающего звука. Это может быть зажигалка, курок пистолета, громкоговорители или же мерцающий уличный фонарь; что угодно. Я смотрю на крыши. Ничего... если только Дэй не крадется на цыпочках, подобно опоссуму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.